ирина говоруха

РЫЖАЯ

Ирина Говоруха

Рыжая

«Эксмо»
2020

Говоруха И.

Рыжая / И. Говоруха — «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-113740-3

С самого детства Ирка могла рассчитывать только на себя. В десять лет противостояла насилию родного дяди. В пятнадцать вернула мать-алкоголичку к полноценной жизни. В двадцать – построила успешный бизнес и стала независимой от ударов судьбы. Решать, кого из любимых мужчин назначить отцом ребенка она тоже будет сама. Историю «Рыжей» нужно прожить от начала и до последней страницы. Съесть вместе с героиней любимый суп из рыбных консервов. Дождаться маму, поглядывая на толстый отрывной календарь. Влюбиться, изменить, выйти замуж и встретить главного мужчину своей жизни. Запутаться в собственных сетях и многократно наступить на одни и те же грабли. Родить ребенка. Потерять самых близких людей. Найти свое призвание. Стать счастливой. Ее жизнь напоминает американские горки. Ее поступки заслуживают уважения. Ее история достойна романа.

ISBN 978-5-04-113740-3

© Говоруха И., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 21
Глава 3 38
Конец ознакомительного фрагмента. 45

Ирина Говоруха
Рыжая

Глава 1
Госпожа Метелица

Декабрь 1987 года

Дарагой Дедушка Мароз!

Меня завут Ирка и мне 7 лет. Я учусь харашо. Уже умею лепить вареники и хажу в магазин за буханкой черного. Прочитала всехо Робинзона Карузо и Снежную королеву. Мне ничего не нужно из теплой одежды, и кукла-невеста тоже ненужна. Сделай пожалуста так, чтобы мама болше не пила.

Ирка почесала ручкой за ухом, нарисовав замысловатую петлю, и добавила:

Ул. Шапена, 9, кв. 32 (Дверь без номера, красная).

Девочка шмыгнула носом, затолкала письмо в конверт и старательно прошлась по уголку языком, морщась от привкуса клея. Обреченно сглотнула горькую слюну, вязнущую во рту сосновой жвачкой. Конечно, можно было бы попросить еще юбку-клеш и белые гофрированные банты, а то она все в черных да коричневых. Только ребята говорили, что Дед Мороз исполняет всего одно желание. Пускай будет это. Самое главное.

Ирка икнула и потянулась за чашкой с «ополосками». В ней с завтрака болтался недопитый дефицитный индийский чай, именуемый домочадцами «пылью индийских дорог». Затем старательно нацарапала: «*Деду Морозу на Северной полюс*», скрестила на удачу два пальца и не удержавшись поцеловала конверт прямо в крестовину. Зажмурилась и произнесла магическое «Крибле-крабле-бумс». Слезла с табурета, случайно зацепившись коленкой за гвоздь, и мгновенно расползлась круглая дырка. Обреченно вздохнула – мама опять заругает, что на нее колгот не напасешься. Может, даже отвесит подзатыльник. Ну да ладно. Девочка привычно оккупировала подоконник, достала двух пупсов, расставила крохотные деревянные стулья с буфетами и запела любимую бабушкину «Расцветали яблони и груши».

– Доченька, а ты знаешь, что такое «игруши»? Нет? Это такие фрукты заморские. Как апельсины.

Играла она всегда в одно и то же – в большую счастливую семью.

Ирка родилась в самом красивом городе мира, с широкими парадными проспектами и узкими улочками, напоминающими коридоры поликлиники, куда они с мамой носили анализы в спичечных коробках. На площадях пламенели тюльпанные клумбы. Торжественно открывались новые гастрономы и пестрели разноцветными корешками окна детских библиотек. Обувная фабрика шила бурки, детские тупоносые сандалики и женские ботинки, утепленные цигейкой. Дом культуры в форме огромного краба предлагал десятки кружков, а уютные кафешки – песочные корзинки с кремовыми опятами, пирожные «Лето» и шарики сливочного с дробями орехов или шоколадных опилок. Украшением города считался двухэтажный универмаг, в витринах которого в неестественных позах простаивали тетеньки-манекены, облаченные в ночные

рубашки и почему-то на каблуках. Рядом – небрежно брошенное постельное белье в мелкий моросящий цветочек, хотя дома у них стелили только со штампом «Минздрав СССР». Чуть дальше – лупатые телевизоры, гигантские кастрюли для варки компотов и холодцов, железные миски и бидончики с нарисованными шишками да сыроежками. Фарфоровые сервизы. Красные Шапочки, куклы-грузинки и куклы-цыганки. Пластмассовые звери и пупсы. Долгое время Ирка считала, что эти пупсики – и не мальчики и не девочки. Ведь дети рождаются бесполыми и только к детском саду определяются, что им делать дальше – носить сарафаны или размахивать пистолетами. Искренне верила, что воробьи бывают только мужчинами, синички – женщинами, а в фильмах убийства происходят по-настоящему. Просто на эти роли выбирают больных или слабых актеров, которых не жалко и пристрелить. Размышляла, что ноги крепятся к телу с помощью пуговиц и отстегиваются при случае. Честно делилась своими наблюдениями с домашними и не понимала, почему те так дружно хохочут, а потом пересказывают ее перлы во время каждого застолья.

Дороги в городе скрещивались шпагами, замыкались в эллипсы, квадраты и многоугольники. Одни напоминали сетки для игр в крестики-нолики. Иные упирались в глухие дворы, образовывая тупики. Самые старые могли еще похвастаться булыжной брусчаткой, сохранившейся с довоенных времен. После каждого маломальского дождя камни становились скользкими, будто смазанными постным маслом.

Главная улица служила для прославления страны мира, мая и труда. По ней шли колонны людей, размахивая флажками из красного полиэстера. Иногда, празднуя Великий Октябрь, народ шагал по первому снегу, но продолжал смеяться и восхвалять никому не понятный марксизм-ленинизм. Ирка, как правило, сидела у деда на плечах и громче всех кричала «ура!». Держалась за его шапку-ушанку с пятиконечной звездой и во все глаза рассматривала юное весеннее небо, распоясанные каштаны и портреты первых лиц.

По проспекту шмыгали автобусы с прожорливыми компостерами и заглавной буквой «Л» на капотах, и девочка считала, что те направляются не иначе как в Ленинград. Лоснящиеся «Волги» отражали холеными боками солнце. Шустрые жигулята клаксонили что-то футбольное, типа «Так, так, только так, атакует наш “Спартак”». Ушастые запорожцы скромно жались к тротуарам. Торопящийся народ выстраивался в очередь к желтым табличкам «Стоянка такси». Ирка, наблюдая за проезжающим транспортом, старалась экономить воздух, подолгу задерживая его в себе и надувая по-бурундучьи щеки. Переживала, что близлежащий парк не справится с подобной нагрузкой, и требовала от деда новых березовых саженцев, чтобы пополнить городской зеленый фонд.

В парк семья выбиралась по выходным. Там посапывало искусственное озеро, и плавали, переплетаясь шеями, лебеди. Рядом прохлаждались связанные ржавыми цепями катамараны, лодки, плоты. Дети кормили хлебным мякишем рыб, а родители устраивали вдоль берега пикники. Раскладывали на покрывалах пупырчатые огурцы, «Докторскую», желтоглазые яйца. Боязливо разливали из термосов портвейн под скрип, визг, лязг и тарахтение паровозов. На колесе обозрения из года в год на пике высоты смельчаки раскручивали кабинки. Популярная «Ромашка» то приседала, то подпрыгивала выше канадских кленов. «Орбита», а по-народному «блевалка», порционно выпускала из себя вконец расшатанных людей. Вагончики со сладкой ватой привычно собирали пчел.

Семья проживала в доме, построенном пленными немцами, в котором за много лет ни разу не протекла крыша и не пошли трещины-молнии. Высокие потолки, просторные балконы, белесые колонны, напоминающие толстые слоновьи ноги, – все было крепким, добротным, сделанным на века. Песочно-персиковая пятиэтажка с широкими лилейными вставками выглядела, словно праздничный торт, щедро украшенный фруктовым кремом. Сверху – крыша в два яруса. Под балконами – дикие груши и боярышник. Чуть дальше – тополиный сквер. Широ-

ченный двор, где происходило большинство домовых событий. Зимой заливали хоккейную площадку. Летом играли в футбол и бадминтон. Праздновали свадьбы и именины, заставляя импровизированные столы тарелками заливного, вареников со шкварками и пирогами. Каждый раз откуда ни возьмись появлялась гармонь или проигрыватель с обязательными «Лавандой» и «Малиновки заслышав голосок». Кричали «Горько!», «Лена, домой!» и «Тише едешь – дальше будешь». Иногда «Помогите, убивают!» или «Что орете, как оглашенные?».

Семья была большой: прабабушка Фима, дед Ефим, баба Шура и трое их детей: старшая Галя – мама Ирки, средний брат Петька и младшая Леночка – инвалид детства. В четырехкомнатной квартире места хватало всем. Каждая комната – не меньше двадцати квадратов, поэтому Ирка регулярно ездила ко всем в гости на трехколесном велосипеде. Бибикала, развозила почту и приглашения на кукольную свадьбу, звала обедать или просто наносила дружеские визиты. Наблюдала, как дед чинит радио, и все ждала, когда оттуда появятся дикторы, певцы, пианисты. Слушала вместе со всеми воскресный выпуск передачи «Встреча с песней», бросая все дела при первых звуках «Тихо замерло все до рассвета».

В прабабушкиной комнате околачивался полумрак, так как та не переносила яркий свет и круглогодично закрывала окна цветочными шторами, из которых Ирка мечтала сшить себе платье и фартук с прихватками. Фима бережно относилась к электроэнергии и, завидя руку, тянущуюся к выключателю средь белого дня, прикрикивала: «Вам что, темно дыхать? Время еще ранешно». Не терпела лжи и повторяла, что врать нужно так, чтобы потом сбывалось. Жила будто со всеми, но месте с тем обособленно. Обожала кепчук (кетчуп. – *И.Г.*) и поливала им даже сладкое. А еще семачки и манез (семечки и майонез. – *И.Г.*). Ловко вела хозяйство, но старалась выходить на куфню (кухню. – *И.Г.*), когда невестки не было дома. Ставила на газ чайник, выпивала чашку-другую горячинькава (горяченького. – *И.Г.*), а потом быстро семенила по колидору (коридору – *И.Г.*), возвращаясь в свою келью.

В ее комнате все выглядело по старинке. У стены – шифоньер, на котором хранился фибровый чемодан и вышедшая из строя керосиновая лампа. Сетчатая кровать с двумя этажами подушек и кружевом, пробивающимся из-под покрывала. Над кроватью – портреты неизвестных хмурых женщин, зачесанных на пробор. Прабабка рассказывала, что волосы в ее времена смазывали подсолнечным маслом или салом, чтобы те блестели и не выбивались из общей канвы. Много икон, источающих запах ладана. Высокий столик, чисто табурет, с фото какой-то канпании (компании. – *И.Г.*) на природе. Люди на снимке почему-то лежали друг на дружке и чокались железными кружками. На домотканой дорожке – нехитрая обувка: войлочные тапки, бурки и туфли чехословацкой фирмы «Цебо», которым не было сносу. Круглый обеденный стол, прикрытый велюровой скатертью. Посредине – фарфоровая мордатая собака. Репродукция картины Перова с изможденными детьми вместо лошадей и этажерка с церковными книгами и рецептами. Когда заканчивались молитвы, бабушка запоем читала советы, как сварить полезное варенье из сосновых шишек, приготовить тушенку из курицы с перловкой и размять яблочное пюре со сгущенкой. Единственная в семье умела перетирать грибы в порошок и варить варенье из картофеля, приговаривая: «Было б масло и курочка – сготовит и дурочка».

Прабабушка всегда отдыхала с часу до трех, со всеми здоровалась за руку и большинство фраз начинала с «ишь ты». Принесенную живую рыбу неизменно глушила молотком. Верила в Бога и полтергейст. Мастерски готовила айнтопф[1], что означало «все в одном горшке», и изъяснялась странными словами. Начальника пожарной части называла брандмейстером, а важных чиновников – канцлерами. Варила Ирке клейстер, когда у девочки заканчивался канцелярский клей, и угощала ее подружек клецками. Круглый год, даже в тридцатиградусную жару, носила рейтузы. Никогда не выходила из себя. Не бранилась. Имела ясную голову и помнила

[1] Айнтопф – немецкий классический густой мясной суп. Заменяет полноценный обед.

все, даже то, что случилось полвека назад. Совсем не страшно молилась – будто пересказывала былины или сказания.

Ирка обожала прабабкин особый полумрак, тонкую, словно кровельный гвоздь, свечку, мерцающую волшебным огнивом, и шепот, располагающий к дреме. Девочка частенько заглядывала на вечернюю молитву, зная, что после обязательных правил и тропарей, обращения к святым Макарию Великому, Антиохе и Иоанну Дамаскину, они непременно поиграют в сказки. Первым делом – в «Госпожу Метелицу». Прабабка привычно изображала злую и ленивую дочку, чтобы Ирке досталась роль доброй и работящей падчерицы. Набрасывала на плечи большой парадный платок и делала вид, что с трудом несет коромысло. Читала правнучке «Гензель и Гретель» или «Безобразную Эльзу», каждый раз получая от сына нагоняй. Дед Ефим топтался на пороге, придерживая рукой дверь, и шипел:

– Ты опять за старое? Сколько лет прошло! Тебе мало русских народных сказок?

Та смотрела на него с жалостью и замечала:

– Ты хоть и вымахал эдаким медведем, а все одно – дурак дураком, – подмигивала правнучке, и они переходили к обязательному чаепитию с джемом и галетным печеньем «Мария».

У прабабушки Фимы существовала субботняя традиция купания. Она набирала полную ванну горячей воды и сидела в ней не шевелясь. Может, час или целых два. Стены покрывались добротным потом, зеркало теряло блеск и раскалялись краны. Это напоминало сцену купания из сказки «Конек-Горбунок», когда Иванушка-дурачок вынырнул из кипятка красным молодцем, а царь сварился. Ирка всякий раз переживала, что бабку постигнет участь царя, поэтому прыгала козликом за дверью и просила впустить. Та великодушно разрешала, и девочка принималась за старушечью спину, старательно елозя мочалкой по выступающим ребрам и считая рябины (родинки. – *И.Г.*). Во все глаза рассматривала растянутые пустые груди, достающие до самого пупка, и острые до неприличия колени. После водных процедур старушка расчесывала редкие волосы и закалывала их гребешком. Гребней собралась целая коллекция. В коробке из-под печенья хранились и деревянные, и костяные, и пластмассовые. В виде веток рябины и птицы, напоминающей дебелого коня. В некоторых не хватало зубьев, но это ее совсем не тревожило. Разобравшись с волосами, она подходила к своему шкапу (шкафу. – *И.Г.*), доставала бутылочку водочки, припрятанную якобы для компрессов, наливала в пузатую рюмку, принимала на грудь сто граммов и ложилась спать. Как правило, спала до самого утра и никогда ничем не болела. Весь дом мог объявить карантин, неделю шмыгать носами и ставить горчичники, а прабабка все готовила свой фирменный айнтопф, торжественно пела тропари и писала кому-то письма, прикрывая тетрадочные клетки сухонькой, дрожащей рукой.

В комнате бабушки Шуры и дедушки Ефима все выглядело по-другому – более современно, что ли. Приятно пахло кожей, так как оба работали на обувной фабрике и исправно таскали домой разноцветные обрезки. Из обстановки – ножная швейная машинка, сервант «под орех», забитый под завязку книгами. Телевизор, прикрытый парчовой тканью, чтобы не пылился. Блестящий от лака журнальный столик и два кресла. Веточки ивы в вазе. Рожковая люстра. Тюль с огромными, тянущимися вверх ирисами. Трехстворчатое зеркало для удобства любования собой во всех ракурсах. Портрет не то женщины, не то мужчины, именованный Иркой «Анакондой», и карта мира, по которой девочку учили запоминать столицы и континенты, потешаясь над ее «Северно-Ядовитым» океаном. На подоконниках – в два ряда горшки с цветами. Баба Шура на досуге занималась цветоводством, и у нее принималось все, даже апельсиновая косточка.

С ними жила младшая дочь Лена, полукукла-получеловек. Ей уже исполнилось семнадцать, но она не умела ни сидеть, ни есть, ни разговаривать. Издавала разнокалиберное мычание и скрежетала выступающими вперед зубами, чисто трещотками. Девушка подолгу спала или дремала, не полностью прикрывая глаза. Ела с ложки. Облегчалась в подкладное судно.

Как-то раз Ирка подслушала, что бабушка промахнулась с беременностью. В квартире по соседству обитала гинеколог Тина Ивановна, старая дева с косой. Именно она диагностировала у бабушки редкую женскую болезнь и прописала тяжелые препараты. Шура их честно принимала, покуда не почувствовала шевеление ребенка. Исправлять ситуацию оказалось слишком поздно, и Лена родилась с неврологической патологией. Головку начала держать только в пять лет, но так и не села. Не взяла в руки погремушку, книжку, стакан воды. Не научилась говорить. Никто не представлял, что она понимает, о чем думает и чего хочет. Девушка с телом гусеницы, что не сразу разберешься, где спина, а где живот, полулежала в инвалидном кресле лицом к окну и рассматривала верхушки берез, загущенные облака или абсолютно пустое небо. У нее не двигались руки, и с каждым годом кисти становились тоньше, все больше напоминая куриные лапки. Они бесполезно лежали поверх одеяла и всегда были холодными. Ирка приносила варежки и подолгу пыхтела, пытаясь их натянуть. Кроме того, Леночка слишком неряшливо ела, поэтому ее никогда не вывозили к общему столу. Рот практически не смыкался, и каждый имел возможность наблюдать, как зубы перемалывают хлеб, пшенную кашу, желток. Часть еды всегда вываливалась, приходилось подбирать болюс[2] и складывать в другую тарелку.

Комната, в которой жили Ирка и мама Галя, считалась самой веселой. Во-первых, солнечная сторона. Во-вторых, правильная энергетика. Карандашные рисунки на стенах, сказки Андерсена на полках, проигрыватель с пластинками, кукольный мебельный гарнитур, собранный Галей из подручных материалов и фанерных отходов. Она была мастером на все руки. Вязала куклам пальто и шила длинные сарафаны. Мастерила домики для жуков и скворечники. По вечерам мама с дочкой имели привычку шушукаться и распевать песни из «Кота Леопольда». Играли в кафе, парикмахерскую или больницу. Спали в одной постели, и девочка обожала греть свои заледенелые стопы, засунув их между маминых ляжек. Галя, как и прабабушка Фима, на дух не переносила ложь и утверждала, что если Ирка врет, у нее на лбу появляются красные пятна. Поэтому девочка всякий раз, когда хотела приукрасить рассказ, самозабвенно терла лоб и не понимала, почему все заразительно смеются и называют ее обманщицей.

До первого класса Ирка панически боялась ходить по магазинам. Однажды они с мамой долго стояли в очереди за бананами. Женщины в магазине тихонько переговаривались о том о сем. Обсуждали, почему лук лучше всего хранить в чулках, и куда положить бананы, чтобы скорее дозрели. Обменивались рецептами колбасного супа. Стращали друг дружку несчастной бабьей долей и пересказывали очередную серию фильма «Возвращение Будулая». Ирка с ужасом вспоминала рожающую цыганку с опущенными к носу бровями и теток, дерущихся мокрыми тряпками, – ведь этот фильм смотрела вся семья. Когда подошел их черед, к прилавку неожиданно и нагло прорвался мужик. Все зашипели, заохали, запричитали. Тот стал отбрыкиваться, мол, чего шумите, я инвалид. Очередь взорвалась праведным гневом: «Как не стыдно? Хорош инвалид, на двух ногах и при двух руках!» Мужчина покраснел, подковырнул ключом глаз, и тот со звоном покатился по прилавку.

Ирку воспитывали всей семьей. Баловали, угощали конфетами «Кара-Кум», гладили по голове, рисовали слонов, читали «Мойдодыра», учили писать прописью и ругали за наклон. Смешили, щипали, дергали за хвостики, любовно называя морковкой и лисой. Играли в «Привет, Валет!» или лото. Ира тащила мешочек с бочонками, раздавала всем карточки и звонко выкрикивала:

– 77 – топорики! 10 – бычий глаз! 2 – лебедь!

Обожала прятки. Однажды, когда все тайные места затерлись до дыр и были обнародованы, дедушка с бабушкой решили пойти ва-банк. Ирка дважды сосчитала до десяти и не могла понять, чего те так долго шушукаются и хохочут. Наконец-то получив разрешение, влетела в

[2] Болюс – кусок частично пережеванной пищи.

комнату и опешила – ничегошеньки не изменилось: бабушка вяжет в кресле варежки, дедушка лежит на диване, только почему-то в ушанке. Ирка набрала побольше воздуха и заорала:

– Так нечестно! Вы совсем не спрятались!

Бабушка подняла голову от спиц, и внучка чуть не подавилась со смеху. У «бабушки» оказались усы и дедова физиономия, а настоящая бабушка лежала на диване в его неизменных трениках, рубашке и шапке со звездой, из-под которой выбивались ее курчавые волосы.

Девочка росла бойкой и никому не давала себя в обиду. Дралась только левой рукой, так как правая существовала для поедания печенья, рисования принцесс и объятий. С приходом весны требовала укладывать ее спать на балконе. Подолгу рассматривала звезды и размышляла, на чем держится луна. Может, на гвоздях или канцелярской кнопке? Верила, что та теплая и съедобная, почти что морковный пирог, и следует за ней по пятам. Обожала майские ливни. Стоило громыхнуть грому, как Ирка бежала со всех ног с лейкой на балкон, чтобы усилить дождь. Называла тайными конфетками те, что тают во рту. Мечтала стать укротительницей тигров и чтобы у нее закончилась аллергия на красное.

Ненавидела быть одной. Вокруг просто обязаны были находиться люди, звучать песни и вестись разговоры. Пусть все толкутся, шаркают тапками, перемывают кому-то косточки, обсуждают почтальоншу и вредную тетку в паспортном столе. Ссорятся, обижаются, хлопают дверями, а потом снова собираются на кухне и лепят пельмени. Она ни минуты не соглашалась сидеть в комнате в одиночестве и неизменно шла на споры, запах пригорающей каши и рубку капусты в деревянном корыте. Туда, где пекли пироги с капустой и вкуснейшие картофельные шаньги. Бабушка, замешивая дрожжевое тесто из ржаной муки обязательно на бараньем или говяжьем жиру, выделяла кусок теста внучке, чтобы та могла слепить свой персональный пирожок. Затем все тащили стулья, водружали запотевший заварник и усаживались обедать. Любое застолье начиналось и заканчивалось одним и тем же тостом «За мир» и Фиминым частушками: «С неба звездочка упала, прямо к милому в штаны. Пусть бы все там разорвало, лишь бы не было войны!»

За столом обсуждалось многое, и девочка боялась пошевелиться, чтобы не дай бог не прогнали. Хотелось слушать разговоры взрослых от начала и до самого конца. Даже то, о чем говорили только шепотом, прикрыв рот ладонью-ковшиком. Иногда речь заходила об их доме, построенном пленными, и она представляла фашистов в серо-зеленых шинелях, лающих по-собачьи – худых, бородатых, укутанных в женские платки или с перевязанными тряпками лбами. Каждый второй – в круглых макаренковских очках. Каждый третий – с обмороженными щеками. Фрицы работали на совесть и понятия не имели, что существует слово «халтура». Выгнали в городе несколько десятков домов в баварском стиле, поэтому район со сказочными особняками местные прозвали маленькой Германией. Постройки выделялись эркерными окнами, балконами с коваными решетками и плотной кирпичной кладкой. Ирка во время прогулок частенько представляла себя хозяйкой угловой квартиры, словно героиня одной из сказок братьев Гримм.

Прабабка, бывало, подчеркивала, что среди немцев встречались абсолютно нормальные люди, и правнучка всегда с нетерпением ждала именно эту историю. Баба Шура в такие минуты демонстративно вставала из-за стола и начинала греметь посудой. Дед Ефим смотрел в пол, а та неторопливо рассказывала, будто кому-то пыталась отдать долг.

Перед самой войной они переехали в новый красивый дом на окраине. Когда в город вошли немцы, сразу установили свои порядки. Семьи с детьми, подушками, кухонной утварью в спешном порядке переселяли в сараи и дровники. Новые хозяева с шиком размещались на освободившихся площадях. Некоторые даже со своими патефонами, чтобы слушать скрипучие военные марши. В их доме расположился немецкий генерал, высокий светловолосый мужчина в идеально начищенных сапогах. Зашел, огляделся и попросил выделить одну комнату, убрав

все лишнее. Фима облегченно вздохнула, вытащила из люльки младшенького и перебралась в спальню. Немец открыл консервированный мед, густо намазал на хлеб и первым делом протянул десятилетнему Ефиму. Жил несколько месяцев. Угощал консервами и конфетами. Гладил по голове и улыбался, оголяя большие желтоватые зубы. Каждый вечер просил согреть воду для мытья, и они бесконечно этому удивлялись, ведь по местному укладу было заведено мыться раз в неделю. Хвастался снимком своей семьи – тремя мальчонками-погодками: Штефаном, Яном и Бруно. Подчеркивал, что воюет, чтобы детям не пришлось воевать. Тосковал по своим родным. Покупал у местных молоко. Покупал, а не отбирал. Что-то писал, царапая карандашом бумагу. Через год немцев прогнали и пришли наши. На постой стал советский генерал – хмурый, злой, с ледяным взглядом. Всю семью, не моргнув глазом, выгнал в сарай, хотя еще стояли морозы. Не разрешал заходить в дом ни под каким предлогом: ни за ложкой, ни за чугунком, ни за сменной юбкой. Вот тебе и разница между оккупантами и освободителями. Хотя грабили и те и другие. Рессоры армейских грузовиков проседали под тяжестью трофеев. Порой на руке и нашего, и немецкого солдата болтались по пять-шесть наручных часов.

Семья хранила целый короб историй. Ирка слушала их с неподдельным любопытством, вытянув губы, будто собиралась спеть обязательную распевку на уроках музыки: «У-у-у-у-у-у, я лечу-лечу в Москву».

Вторая байка по праву считалась дедовой, и тот ее пересказывал обстоятельно, смакуя каждое слово. Баба Шура непременно встревала, дополняла, лезла с уточнениями:

– Не так было. Я уехала жить не к сестре, а к тетке.

Тот злился. Требовал тишины и послушания.

Короче говоря, Ефим с Шурой поженились в пятьдесят пятом. С первого дня супружества муж баловался беленькой для аппетита. Когда родилась дочь, стал пить. Шура терпела, сколько могла, а потом развернулась, забрала крохотную Галю – и поминай как звали. Уехала на постой к тетке. Ефим остался один, как сыч. И так не шибко богато жили, а когда жена его бросила, прихватив с собой комод, посуду и приличное по тем временам постельное белье, оказался в пустых стенах. Первое время не просыхал, спал на голом матрасе и жалел себя. Лежал, завернувшись в сорванную с петель штору, и валандал в голове объедки мыслей, будто перекатывал за щекой черешневую косточку. В один из дней заприметил крысу. Огромную черную тварь с внимательными, почти что человеческими глазами. Она сидела на краю топчана и подметала матрас толстым шнурком хвоста. Он кивнул. Крыса кивнула в ответ. Начали разговор. Сперва о погоде, затем о революции и диссидентах. Она слушала и отвечала короткими нечленораздельными фразами. Дед решил проявить гостеприимство и бросил ей сухарик. Тварь понюхала, подцепила на зуб и убежала, щелкнув хвостом. Через пару минут появилась снова, удерживая в зубах красную бумажку – десять рублей. Положила в тапку, поклонилась на манер конферансье и юркнула в нору. Дед слегка протрезвел. Взял в руки хрустящую банкноту и прикинул, что это десятая часть его зарплаты. За такие деньги можно с легкостью купить два кило копченого палтуса или индийское махровое полотенце. На следующий день история повторилась. Крыса явилась около двух. Прижалась брюхом к полу и мелкими перебежками направилась к хозяину. Тот сидел в кресле и обдумывал, как жить дальше. Поздоровался, словно со старой знакомой. Достал из холодильника копченое мясо. Угостил. Она облизалась. Вернулась в нору и опять выползла с десяткой.

С того дня крыса появлялась исправно, иногда дважды в день. За каждую порцию еды щедро платила. Ефим дал ей имя и фамилию. Определил пол. Вышел из запоя и приступил к облагораживанию квартиры. Собрал в мешок бутылки, блюдца-пепельницы, выгоревшие газеты. Отмыл тарелки с присохшей гречкой и мутные окна. Прикупил чайный сервиз на шесть персон, два кило черной икры, зимнее пальтишко для Галчонка и оправился с букетом хризантем за женой и дочерью. На время своего отсутствия попросил кореша подкормить животинку. За это обещал сказочное денежное вознаграждение. Дружбан загорелся, с трудом дождался

ее появления, предложил сахарок, а в знак благодарности получил трешку. В сердцах схватил молоток и убил пасюка.

Когда вернулся Ефим, оправдывался:

– Как это так? Что за несправедливость? Почему тебе десятки, а мне – трояки?

Спустя время, когда меняли полы, обнаружили крысиный тайник. В нем остались несколько пачек по три рубля.

С деньгами в семье было то густо, то пусто. Финансы появлялись из ниоткуда и также бесследно исчезали. Их складывали на черный день в укромном месте, так как государству не доверяли и сберкнижкой не пользовались. Тайником традиционно заведовала бабушка, чтобы у деда не было соблазна все прокутить.

Однажды, в первых числах сентября, Ефим привычно готовил обувь к зимнему сезону. Мыл, чистил, сушил, чтобы отнести в ремонтную мастерскую на углу Армянской и Чапаевской. В ней заправлял одноглазый Филипп, ритмично тюкал своим молотком, а потом лил под каблук желтый, практически карамельный клей. В тот день дед с раздражением заметил, что бабушкины зимние сапоги на манке[3] совсем развалились и, недолго думая, бросил в сетку нечто абсолютно расхлябанное со стыдно вывернутыми голенищами. Вечером бабушка устроила кипиш. Как оказалось, она именно под стелькой соорудила свой тайник, и там уже скопилась приличная сумма. С трудом дождались утра и наперегонки побежали к обувщику. Сапоги уже красовались на полке, поблескивая от ваксы, только денег внутри не оказалось. Спросить напрямую постеснялись, ведь пойдет слух, что в доме есть, чем поживиться. Поэтому смолчали, притерпелись, смирились, но с тех пор дедушка обходил жидяру Филиппа за три версты.

Дед Ефим с трудом управлял своим женским царством и призывал всех быть солидарными. Ирка долго не понимала смысла этого слова, буквально считая, что быть солидарными значит дарить друг другу соль. Временами дед жаловался, что такое количество женщин, тудыть-растудыть, сведет его в могилу, и все пенял на среднего сына Петьку, оказавшегося сволочью. Тот давно обзавелся семьей и приезжал не чаще раза в год. О нем вообще вспоминали редко, мимоходом и всегда с непонятной болью. Поэтому ответственность за дом и семью лежала на огромном, неловком, шумном, взрывном, резком деде Ефиме. Смягчался он лишь при виде внучки. Занимался ею, не жалея ни времени, ни сил. Учил ходить, подманивая наручными часами, полученными за какие-то заслуги на производстве, и бесконечно гордился этим презентом. Утверждал, что такая награда лишь у него и у космонавта Гагарина. Ставил внучке пластинки с былинами об Илье Муромце и музыкальную сказку «Незнайка в Солнечном городе». Разрешал прыгать на панцирной кровати и показывал, как набивать махоркой мундштук. Из его комнаты был выход на балкон, и Ирка считала его отдельным государством, где в случае чего можно было найти убежище. Там всю осень солились грузди с опятами, и запахи хвои, соли, мха сводили с ума. Грибы получались знатными и хрустели плотными ножками. Ели их зимой с отварной картошечкой, плавающей в подсолнечном масле, или с кашами, томившимися в старом драповом пальто бабы Фимы. Дед доставал из холодильника беленькую и разливал по рюмкам, мгновенно потеющим от перепада температур. Отрезал ломти хлеба, прижав его к груди, и клал в центр стола. Ужинали под водочку довольно часто, и это считалось посидеть культурно, по-семейному. После третьей рюмки глава семьи упирался кулачищами в колени и привычно себя корил, что упустил Петьку. Ирка все боялась спросить, отчего молчаливого, никогда не снимающего кепку дядю Петю тот упорно называет сволочью?

Деда Ирка считала своим самым верным кавалером. Тот не спускал с нее глаз ни днем ни ночью. Водил в зоопарк и показывал крохотных обезьян-тамаринов. Катал на «пружинке»,

[3] Манка – толстая каучуковая микропористая подошва светлого цвета.

возил в малинник, чтобы ребенок напитался витаминами. Когда внучка носилась по двору, размахивая руками, словно лопастями, наблюдал за ней из приоткрытого окна, не выпуская изо рта мундштук.

Как-то раз они отправились на рынок за арбузами. Купили целых два, растянув авоську, словно сброшенную змеиную кожу. Август медленно уплывал, но в воздухе еще держалась свойственная ему белизна и пряность. Всюду цвели георгины, астры, розовые тугие калачики, напоминающие любимые школьные сосиски. Ирка шлепала старыми босоножками, от которых на днях отрезали задники, и предвкушала, как дед любовно обмоет арбуз в ванной, а потом срежет разделочным ножом макушку. Раздастся хруст. Неспешно достанет шляпку, понюхает, вырежет мякоть, чтобы отдать внучке. Затем разберет на дольки, и вся семья сядет за стол. Прабабка достанет черный хлеб. Галя – мягкий сыр. Ирка будет есть просто так, едва успевая вытирать сок с подбородка. Затем налетят жадные до этого дела пчелы, и в ход пойдут журналы, руки, полотенца.

В этот раз случился конфуз. Они с дедом мирно топали домой, как вдруг у винно-водочного заурядный дядька, выпивающий из бумажного стаканчика, указал на Ирку пальцем:

– Вы только посмотрите на эту «пожарную машину». Это же надо было уродиться такой страшной! Я бы свою не думая утопил, как паршивого кота.

Дед побелел лицом и процедил:

– Итить твою дивизию!

Попросил внучку оставаться на месте, а сам без лишних слов направился в сторону обидчика. На ходу замахнулся, секунда – и арбузы оказались расколотыми о голову выпивохи. Мужик крякнул от боли и сложился пополам. Собутыльники предусмотрительно разбежались по кустам, а дед как ни в чем не бывало вернулся и обнял внучку за плечи:

– Никого не слушай. Ты самая красивая на земле.

Бабушка Шура много лет удерживала звание передовика производства. Ее портрет был занесен на Доску почета обувной фабрики, и, всякий раз отправляясь на прогулку, Ирка замедляла ход и озиралась, сворачивая себе шею. Интересно, люди замечают, что она идет со знаменитостью? Баба Шура только ухмылялась. Маленькая, загнанная, с потухшими глазами. Она много лет обшивала всю семью и могла повторить любое платье, мельком увиденное в журнале. Вот только не ждала от жизни ничего хорошего, бесконечно тревожилась, недолюбливала свою свекровь и не придавала никакого значения чистоте. Если готовила, то кухня после стряпни напоминала поле боя, словно по ней прошелся Мамай и вся его Золотая Орда. Приступая к приготовлению борща, оставляла помидорный соус на стенах, подоконнике, плите, и Ирке вечно казалось, что это не томат, а чья-то сваренная кровь. Если колдовала над тестом для пирожков, засохшую жижу можно было обнаружить в самых неожиданных местах – в туалете на сливном бачке, в прихожей на вытянутом буквой «О» зеркале и даже на коврике у входной двери. Шура не признавала никаких занавесок, считая это лишней стиркой, и имела привычку бросать мыло в мыльницу, полную воды. В итоге к утру абсолютно новый, пахнущий земляникой брусок превращался в слюнявую медузу. Под ванной у бабушки всегда вымачивались какие-то тряпки, и душок, поднимающийся от тазов, мог свалить без чувств даже слона. Кроме того, все приготовленное получалось каким-то несвежим, будто котлеты жарились не вчера, а, как минимум, неделю назад. Для объема добавляла в мясо все, что попадалось под руку: тертую морковь, свеклу, тыкву или кабачок и много слизистого хлеба, размоченного в подкисшем молоке. Затем била фарш о стол, словно играла тяжелым баскетбольным мячом в «Я считаю до пяти», и объясняла, что таким образом продукт насыщается кислородом. После подобных манипуляций на столешнице оставались жирные круги, которые баба Шура не считала нужным вытирать. Пожаренные котлеты складывала в дырявую в двух местах кастрюлю, забывала на плите, примыкающей к батарее, и уже к вечеру те испускали тошнотворный душок.

Единственной ее слабостью считались цветы, за которыми ухаживала, как за грудными детьми. Заставляла горшками подоконники, балкон, книжные полки, и в них прорастали, крепли и набирались сил всевозможные очитки, комнатные клены и суккуленты. При случае рассказывала, как познакомилась с самой Ниной Мирошниченко – известным селекционером. Та вывела больше трехсот гибридов ирисов, лилий, около тысячи гладиолусов и получила пять медалей. Воспитывала двух сыновей – Виктора и Джорджа, названого в честь самого лорда Байрона. Как-то раз баба Шура отправилась на цветочный базар и сходу заприметила, что самая большая толпа околачивается возле женщины с прической «Ракушка». Шура потеряла дар речи, на автомате полезла в карман, чтобы пересчитать деньги и расстроилась, так как купюр оказалось в обрез на анютины глазки, а перед ней лихо торговала сама богиня цветоводства. Предлагала роскошные ирисы «Амур-батюшка», нежнейшие астры «Аннушка» и статные гладиолусы «Банкир». Ей же ничего не оставалось, как с завистью разглядывать мужчину, приобретающего отборные клубни сорта «Бронзовый век» и тетку с зычным голосом, скупающую луковицы «Белого кружева». Она оглянулась по сторонам в поиске знакомых, чтобы одолжить денег, и снова пересчитала свои жалкие гроши. По второму кругу вывернула карманы с разорванной подкладкой. Нервно рылась в сумке, выуживая то газеты, то сердечные капли, то квитанции. Поэтому даже не заметила, что «королева цветов» краем глаза за ней наблюдает.

– Женщина, дайте сюда свою сумку.

Баба Шура испугалась. Покраснела. Решила, что ее прилюдно уличают в воровстве и начала оправдываться:

– Я ничего у вас не брала. Сроду ничего не крала!

Та коротко улыбнулась, опустила на кончик носа очки и снова потребовала сумку. Бабушка Шура дрожащими руками подала свой видавший виды «ридикюль» и приготовилась к унизительной проверке. Мирошниченко кивнула и горстями стала сыпать в сумку луковицы.

– Что вы делаете? У меня нет денег. Я не смогу заплатить.

У той задрожал подбородок.

– Господь с вами! Это подарок. Пусть цветут!

И обе расплакались.

Все изменилось со смертью прабабки. Та ушла неожиданно, не посчитав нужным никого из домочадцев предупредить. Еще утром они играли в театр, и бабулька, пряча в ящик наперсток и мышастую игольницу, благодушно кивала: «Ну все, неси свою контуженную». Ирка на всех скоростях неслась в комнату и тащила тряпичную куклу. Затем набирали горячую ванну, ужинали жареной картошкой с зеленушками и обсуждали фильм «Рожденная революцией». Дед привычно критиковал неправдоподобно идеального Кондратьева, а баба Шура замахивалась на него полотенцем, мол, если сам слабак, то хоть не завидуй. Румяная и аккуратно причесанная прабабка к ужину не явилась, похрапывая в кровати, а утром не проснулась. Правнучка сперва ее тормошила, приглашая на воскресные блины, и с любопытством заглядывала в широко открытый рот. Затем из-под одеяла выпала холодная рука и стукнулась об пол, чисто деревяшка. Ирка сделала шаг назад и по-взрослому запричитала.

Похороны девочка помнила смутно. В углу комнаты сидела усатая тетка и безостановочно читала неопрятную книгу на иностранном языке. Периодически крестила свой зевающий рот и расчесывала до крови искусанную комарами ногу. На всех зеркалах висели тряпки и молчали часы. Батарейки вынули на целых сорок дней. Прабабка, уменьшившаяся в размерах, жалась к одной и той же стенке гроба. Дед постоянно ее поправлял, но она сползала, и девочке казалось, что та все-таки еще жива. В руках покойница сжимала носовой платок, чтобы было чем утереться в момент Страшного суда. Сбоку аккуратно выложили все ее гребни – и деревянный, и костяной без нескольких зубов, и самый красивый, с гроздьями рябины. Зубные протезы, субботнюю рюмочку и Псалтырь.

Возле покойницы устроили круглосуточное дежурство, и только дед сидел, не вставая. «Не евши, не пивши…». Как-никак он хоронил мать. В стакане с пшеницей коптила свеча. Соседи захаживали и кивали, будто позабыли все слова. Обходили новопреставленную с головы и при этом смешно кланялись, подгибая колени. Со стороны это напоминало движение игрушечной деревянной собачки на платформе. Потом, когда выносили гроб, хором завопили, чтобы не дай бог не зацепили дверной косяк, иначе быть новой беде. Только косяк все равно зацепили, и Галя, махнув рукой, принялась за мытье полов, перевернув стулья ножками вверх. Затем сели обедать и первым делом предложили рюмку водки, прикрытую толстым шматом хлеба, портрету бабы Фимы.

После смерти прабабки Лену отвезли в специальный интернат. Посидели, подумали и единогласно решили, что девочке среди таких же, как она, будет лучше. Фима отдала богу душу, и теперь некому присматривать за инвалидом. Дед Ефим солировал и приводил все новые аргументы:

– Сами посудите, ну что она здесь видит? Окно, табурет, стенку, люстру, полное собрание сочинений Жюль Верна. Целый день одна, а там за ней будет соответствующий уход. Правильное питание. Там медики, а мы кто? Чем мы сможем помочь, вдруг что случится? Кроме того, все до пяти на работах, и Лена в огромной квартире остается абсолютно одна.

Тетку увезли через несколько дней. Та мычала, словно попавший в капкан зверь, и пыталась ухватиться «куриными лапками» за пресловутый дверной косяк. За дедов безразмерный дождевик. За воздух. С открытого рта скапывала слюна и загустевала вареным куриным белком. Глаза лезли из орбит, пытаясь нащупать хоть какую-то точку опоры, но постоянно соскальзывали и упирались в стену. Ирка наматывала вокруг нее круги, предлагая свои лучшие игрушки. Баба Шура безостановочно плакала. Дед успокаивал, что она исполнила свой материнский долг и теперь пришло время позаботиться государству. Галя громыхала на кухне посудой и тайком попивала ягодную наливку, чтобы хоть как-то утихомирить расшатанные нервы.

Целую неделю после Леночкиного отъезда в квартире говорили шепотом и не включали телевизор. Пропустили «Встречу с песней» и финальную серию эпопеи «Рожденная революцией». Дом осиротел сразу на двух членов семьи и, казалось, в нем не хватает комнат, окон, дверей. Невесть откуда появились сквозняки, и скорбь оседала настолько плотным слоем, что впору было собирать ее в мешки, чисто антрацит. Ирочка постоянно рвалась помочь с кормежкой тетки, а потом опомнившись возвращалась к себе в комнату, низко опустив голову. Баба Шура сморкалась в огромный, как наволочка, платок и подолгу смотрела в одну точку. Мама Галя сгорбившись ритмично шевелила двумя длинными спицами. Вязала сестре шарф. Дед со словами «едрены пассатижи» надсадно кашлял и прикладывался к фляге. Щупал свою грудь и пытался спрятать глаза, полные слез.

В субботу стало веселее. Все собрались на кухне, чтобы приготовить любимые Леночкины блюда. Жарили, шкварили, запекали, собираясь в воскресенье нанести ей визит. Представляли, как ввалятся всей толпой в палату с шутками, частушками, прибаутками и накормят до отвала. Возьмут баян и бубен. Споют любимые «яблони и груши». Вывезут в парк к заросшему тиной пруду. Ирочка примеряла новогодний костюм. Хотела порадовать тетю образом Снежной королевы. Дед причмокивая дегустировал грузди. Отбирал лучшие.

В воскресенье домочадцев разбудила настойчивая телефонная трель. Звонили из приюта. Чужой прохладный голос для порядка пару раз запнулся, а потом дежурно сообщил, что Леночка на рассвете умерла.

Поминали покойницу во вторник. За столом с кутьей и гречневой кашей собрались те же люди, что и две недели назад. Дед поднял рюмку, половину расплескав. Неожиданно вместо

правильных слов начал рассказывать историю про корову. На него зашикали: «Что ты несешь? Где корова, а где человек? Совсем из ума выжил?» Ефим со злостью швырнул салфетку и за столом стало еще мрачнее. Все уставились в полупустые тарелки. Солнце, до этого висевшее где-то в левом верхнем углу окна, оторвалось и разбилось вдребезги. Ирка расплакалась, прижалась к маме, но та ее впервые не обняла. Молча наполнила свою рюмку и выпила, как воду.

– Я пацаном был лет пяти. Имел одни штаны и одни на двоих с сестрой кирзаки. По праздникам ели жареные яйца. В будни перебивались куском хлеба. Мяса годами не видели. Вся надежда оставалась на корову, именуемую не иначе, как кормилицей.

Однажды отец вернулся хорошо выпивший и объявил, что отдал корову за долги. Мы в слезы. Мать опустилась на колени и стала целовать не то носки его сапог, не то половик. Тот старательно отводил глаза. Похлопывал ее по сгорбленной спине, мол, будет тебе убиваться, дело сделано. В калитку настойчиво стучали, и этот грохот до сих пор вот у меня где, – дед растопырил ладонь и с размаху ударил себя в висок.

Ирка испуганно вскрикнула, и тот мгновенно пришел в себя. Смягчился. Погладил внучку по голове.

– Мы высыпали во двор – босые, оборванные, испуганные и увидели, что мужики вовсю хозяйничают в сарае, пытаясь вывести упирающуюся скотину. Та мычала, глядя на нас в упор. Умоляла о защите. Пришлось повиснуть у обидчиков на ногах, но те отбросили нас, словно щенят. Затем бежали за ними в конец улицы и умоляли отдать Буренку. Отгоняли от ее худых боков мух. «Воры» только посмеивались. Поднимали сапожищами смурую пыль и потирали руки, мол, как удачно все провернули. А через три дня корова сдохла.

Соседка мелко закивала и отложила ложку:

– Верно говоришь. Тяжелые были времена. Особенно тридцать седьмой год. Со всех округ собирали «врагов народа». Грузили в теплушки и вывозили. Никто не знал, куда и за что. Боялись спросить, чтобы не отправиться следом. У наших соседей вообще произошла катастрофа. Дело было в августе, и все мужики косили в поле. В один из дней из района приехал уполномоченный проверить, как выполняется план, а наш сосед, известный шутник и балагур, ответил за всех: «Все хорошо, но было бы лучше, если бы коса косила в обе стороны. А так теряем время, орудуя лишь одной острой стороной». Все рассмеялись, и уполномоченный ухмыльнулся тоже. Тем же вечером за шутником приехала «Черная Маруся»[4] и увезла без каких-либо объяснений.

Прошло несколько дней. В поле работали молча, не поднимая голов. Говорить боялись. А вдруг и у сена есть уши? Неожиданно в деревне появился тот же воронок с решетками на окнах и лихо тормознул у всем известного двора, подняв занавес пыли. Люди при исполнении с постными лицами зашли в дом и спросили у испуганной женщины:

– Хочешь увидеть хозяина?

– Хочу.

– Тогда собирайся.

Она взяла хлеб, кусок сала, луковицу. Поцеловала двухлетнюю дочку и прыгнула на заднее сиденье. Больше о ней никто не слышал, и только через время пришел документ, что их расстреляли за антисоветскую агитацию.

Вторая соседка промокнула глаза и уже сложила губы, чтобы вспомнить свое, но ее опередила Галя:

– Вы не забыли, где находитесь и зачем? У меня сестра умерла. Сестра! Ну и что, что она не умела ходить и говорить! Не училась в школе и ни разу не отправилась на свидание. Только она была настоящим человеком, и теперь ее нет.

[4] Черная Маруся – *жарг.,* автомобиль для перевозки арестованных.

Обновила рюмку, широко открыла рот и вылила содержимое прямо в горло. Демонстративно перевернула посуду вверх дном.

С тех пор все пошло по-другому. Дни стали толкать друг друга в спину, ссорясь и паясничая. Утро резко перетекало в полдень, а потом заходилось влажными сумерками. Зима облачалась в весну, весна – в лето. По телевизору рассказывали о четвертой сессии одиннадцатого созыва, о невзорвавшейся эстонской бомбе и о том, что Москву засыпало снегом. Дед Ефим и баба Шура все также трудились на обувной фабрике, носили за пазухой обрезки, отстаивали очереди за дефицитным майонезом, а потом возвращались, ужинали, засиживаясь на кухне допоздна. Обсуждали исчезновение с магазинных полок сахара и новую программу «600 секунд». Телемост Москва-Вашингтон и хирургическую операцию в прямом эфире без привычной анестезии, так как обезболивал пациента путем внушения Анатолий Кашпировский. Дед восхищенно присвистывал. Баба Шура шикала – не свисти в доме, денег не будет. Затем вяло комментировали официальный визит Маргарет Тэтчер и очень бурно Афганскую войну, которую дед считал возмутительной. Доказывал, что наш народ затюкан, пожизненно бесправен и труслив, и приводил в пример одну и ту же историю, невесть откуда взятую. После смерти Сталина Хрущев на очередном съезде КПСС во всеуслышание разоблачил сталинские преступления. Неожиданно послышался голос из зала:

– А почему вы тогда промолчали, а сейчас такой смелый?

Хрущев наклонился ближе к микрофону:

– Кто это сказал? Поднимитесь.

В зале наступила настороженная тишина, оголяющая грохот нескольких сотен сердец.

– Ну, что же вы? Смелее! Неужели боитесь? Вот и я боялся.

Мама Галя больше ни в чем участия не принимала. Не пела «Ой, то не вечер» и частушки: «У меня на сарафане петухи да петухи. Меня в этом сарафане любят только мужики». Стала замкнутой. Нелюдимой. Рассеянной, будто в одночасье забыла, что где лежит и что для чего служит. Могла выбросить толкушку для пюре в мусорное ведро и не помнить, как это случилось. В ней будто что-то надломилось, и женщина напоминала куклу неправильной фабричной сборки. И вроде бы приходила с работы, привычно затевала расстегаи, расчесывала на ночь Иркины волосы, вязала ей пуловеры с зайцами и шапки с помпонами, но оставалась при этом отстраненной, включенной не на полную мощность. Все чаще являлась домой навеселе, и от нее перестало пахнуть мамой – сладостями и духами Pani Walewska. Все больше чем-то горьким, чужим, мужским. Она перестала прятаться с сигаретами, демонстративно дымя в форточку. Дед Ефим заводился, орошал каплями горячей слюны, а она лишь снисходительно улыбалась, накаляя этим обстановку еще больше. По утрам сползала с постели не в духе и жаловалась на головную боль. Рыскала по шкафам в поисках хоть какого-то спиртного. Сходила с ума. Не считала зазорным рыться в чужих кошельках и карманах. Как-то раз попыталась вынести единственный утюг, и Ирка вступилась за него горой. Галя, недолго думая, стукнула им дочку по голове, и та зарыдала. Не от боли, нет. Просто, чем теперь гладить воротнички и школьную форму? К ней и так уже прилепилось прозвище Синеглазка.

Со временем Ира выучила все злачные места, в которых могла находиться мама. Носилась по всему городу и забирала ее домой. Вела за руку, а та упиралась, называя дочь бесстыжей. У всех дети как дети, а у нее – ни охнуть ни вздохнуть. Шагу нельзя ступить. Ира уговаривала. Увещевала. Умоляла. Придумывала новые поводы и предлоги для возвращения. Нужно помочь с домашним заданием по природоведению. Испечь печенье к сладкому столу. Проверить таблицу умножения на «6».

Чаще всего Галя засиживалась у Миши-дипломата, бывшего работника НИИ, отца пятерых детей. Когда-то у него было все: жена, дети, новогодние утренники и воскресные выезды

на природу. А потом сволочь-супруга собрала вещи, детей и уехала к маме. Спускаясь по лестнице и таща волоком ребятню с баулами, всхлипывала: «И как таких уродов земля держит? Его надо закрыть, изолировать от людей. Госпитализировать. Принудительно лечить». Больше о ней никто ничего не слышал, да и Миша никогда не вспоминал. Жил себе припеваючи в огромной квартире, бегал в кепке с плоским чемоданчиком на службу, платил скудные алименты и околачивался в людных местах. То его видели у детского сада, то у школы-интерната № 4.

Как-то раз бдительные мамы заметили испуганную девочку-подростка, шагающую в школу с неприметным мужчиной. По лицу ребенка было понятно, что происходит что-то страшное, поэтому окликнули:

– Девочка, с тобой все в порядке?

Мужичок мигом шуганул в кусты, а ребенок расплакался:

– Нет! От самого дома за мной увязался странный дядя и не отставал ни на шаг.

Лица неизвестного никто не запомнил. Единственными приметами оказались кепка и дипломат.

Галя после работы направлялась прямиком к нему. Чуть позже подтягивался буйный Витек. Тот из любой ерунды мог слепить форменный скандал и при этом чувствовал себя эдаким победителем. Вечно размахивал руками, драл горло, подходил вплотную и ощутимо толкал плечом. Ирка до смерти его боялась. Миша, напротив, вел себя смирно, как овечка, только постоянно пытался усадить к себе на колени и потрогать колготную ластовицу. Девочка вырывалась, а Галя прикрикивала:

– Кыш отсюда, не мешай! Мама закончит свои дела и придет.

Только Ирка не хотела возвращаться без нее, поэтому пряталась в дальний угол и выполняла домашние задания. Разбиралась с безударными гласными, искала подлежащее и сказуемое и учила наизусть Некрасова: «Снежок порхает, кружится». Терпеливо ждала. Миша тоже сидел в сторонке и не мигая разглядывал ее своими грустными собачьими глазами. Угощал конфетами «Гулливер». Она не брала, хотя очень хотелось. Мечтала, чтобы мама надела плащ и отправилась с ней домой. Там они сядут за насухо вытертый стол, нарежут хлеба, соленого сала в рассоле, разогреют перловый суп и поговорят, как раньше. Ирка расскажет, какой позор сегодня пережила. Как в класс посреди второго урока ворвалась медсестра, заняла позицию у окна и у всех по очереди проверяла наличие вшей. Заставляла расплетаться, развязывать банты, а потом хаотично что-то вытаскивала, придавливая ногтем. Ребята напряженно прислушивались, раздастся ли хруст. Сегодня ее единственную отправили с уроков домой и велели не возвращаться, пока родители не выведут гниды. А кто ей будет их выводить? Бабушка плохо видит, а мама постоянно занята Мишкой и Витьком. Вот и сейчас суетится, хохочет. Чистит селедку. Облизывает пальцы. Накрывает на стол.

Поначалу взрослые вели себя тихо. Ели, пили, весело обновляя рюмки. После первой бутылки Витька набирал полную глотку воздуха и жаловался на государство, которое его поимело:

– А что они думали? Что буду на заводе всю жизнь вкалывать? Не тут-то было. Я пацана родил? Родил. Двадцать лет пахал? Пахал! Имею право теперь пожить в свое удовольствие.

Галя его поддерживала, темнея лицом. Миша принимал позу мыслителя и с замахом закидывал ногу на ногу. Распространялся о каких-то горбачевских реформах, в частности о гласности и перестройке. Дальше Ирка не слушала, начиная дремать на фамилиях Рыжкова и Шеварднадзе. Просыпалась всегда в один и тот же момент, когда у взрослых начиналась «любовь». Мама, раздетая до комбинации, привычно лежала на спине, а на ней копошился дядя Миша. У него что-то не получалось, и он чертыхался, норовя укусить за сосок. Галя пыталась увернуться, только двигалась почему-то слишком медленно. Затем герой-любовник «нащупывал» глазами испуганную девочку, и дело начинало ладиться. Он с гордостью демон-

стрировал свое вздыбленное причинное место, полируя его рукой, а потом нырял между ног и копошился там долго, не сводя глаз с полумертвой от ужаса Ирки. Витек, как правило, спал богатырским сном, пуская пузыри и слюни.

Когда все заканчивалось, полуодетые взрослые возвращались к столу. Снова пили и ссорились, кому бежать за добавкой в магазин «Низкое крылечко». Иногда девочке перепадали объедки: селедочный хвост, горбушка с жареным яйцом, квашеный огурец. Она ела, сидя на стареньком пальто. Продолжала учить таблицу умножения и рисовать осенний лес. Слагать и вычитать отрезки. Читать басню «Лев и мышь». Терпеливо ждать, когда мама освободится, чтобы отвести ее домой.

Так и жили. Дед злился, ссорился с Галей и даже поднимал на нее руку. Бабушка встревала, взывая к здравому смыслу. Ирка не сдавалась и по-своему пыталась маму спасти. Предлагала сходить в кукольный театр или в цирк. Делала для нее различные безделушки: бусы из макарон и браслет из «пуговиц счастья». Радовалась, когда у мамы получалось продержаться три дня без спиртного. Тогда в доме наводился идеальный порядок и не приходилось есть толстые, словно колпачки фломастеров, жареные макароны.

В дни затишья Галя готовила вкуснейшую картошку, нарезая ее всегда одинаковыми ломтиками, отмывала от копоти плиту, окна, стирала занавески. Пекла корзинки, хрустики, печенье-монетки. Потом опять срывалась, и ад повторялся. Женщина продолжала хозяйничать, но у нее все валилось из рук. Могла сварить суп вместе с грязными дедовыми носками и сделать дикую генеральную уборку, засунув книги в холодильник, а скудные продукты в виде супового набора и палки ливерной колбасы – под батарею. Распихать по карманам пальто выметенный мусор или оставить его посреди кухни аккуратной горкой. Бывало, обвязывала голову полотенцем, раздевалась до белья, хватала швабру и начинала собирать по карнизам пыль. Мыла на балконе окна, талантливо растягивая грязь. Ирка держала ее ноги и умоляла спуститься. Как-никак пятый этаж. Та смеялась: «Не боись, рыжик, у тебя мамка еще та гимнастка».

Незаметно закончился учебный год. Ирка ликовала и с гордостью демонстрировала табель хорошистки. Радовалась трехмесячной передышке от обидных прозвищ. Дети безжалостно насмехались над ее скромной одеждой, рыжими волосами и мамкой-пьянчужкой. Потешались, что ко Дню именинника она приносит магазинную выпечку, а не домашнюю. Одноклассницы наперебой хвастались орешками со сгущенкой, безе, слоеными трубочками, а она стеснительно ставила на стол тарелку с копеечными магазинными коржиками. К ним никто не притрагивался. Все с жадностью набрасывались на эклеры, и только Ирка обреченно хрустела своими «галетами» и старательно делала вид, что ей все нипочем. Лишь брови, сведенные на переносице, выдавали сильнейшее напряжение и досаду.

Лето явилось без солнца. Прохладное, дождливое, зеленое. В садах ничего не спело: ни вишни, ни абрикосы, ни яблоки. Неделями не просыхали лужи, и долго сушилось белье, приобретая запах плесени. Небо нависало тяжелое, громоздкое, полное чернильных туч. Дед еще с весны маялся желудком, сильно похудел, но предвкушая начало грибного сезона, хорохорился. Сплел две глухие корзины и смастерил сачок для ловли бабочек. Съездил к сыну и остеклил тому балкон. Поставил памятник на могиле Леночки вместо деревянного креста. Бесполезный теперь крест собственноручно сжег в ближайшем овраге. Поменялся в лице, и оно стало каким-то неестественно симметричным.

Бабушка вышла на пенсию и хворала днями напролет. Жаловалась на сердце и ноги. Уверовала, что на них проклятие, и девочка пыталась его снять, рисуя магические соляные круги, зажигая свечи, читая молитвы. Баба Шура в такие минуты доставала семейную фотографию, на которой все еще были живы и здоровы, и подолгу с грустью ее рассматривала, подперев щеку.

В тот день по телевизору транслировали конкурс «Московская красавица». Ирка не моргая пялилась в экран. По сцене Дворца спорта прохаживались плоские девушки в блестящих купальниках, люрексовых платьях, чалмах, брючных костюмах. Они одинаково улыбались и однотипно отвечали на вопросы Михаила Задорнова. Неожиданно раздался стук в дверь. Нервный. Недобрый. Девочка подставила табурет, взглянула в глазок и открыла. На пороге маячила соседка, жившая этажом ниже. Тетка брезгливо взглянула на ребенка, словно на таракана, и рявкнула:

– Есть дома кто-нибудь из взрослых?

– Нет. Бабушка с дедушкой ушли на рынок.

– Ну тогда иди сама, забирай мать, а то ее сейчас весь двор переимеет.

Ирка позорно икнула и завозилась с обувью.

– Где она?

– За гаражами. Прохлаждается в позе звезды. И не забудь захватить ей одежду, а то придется вести в чем мать родила.

Ирка метнулась к шкафу и перепутала полки. Вывалила на пол теплые свитера и тут же стала запихивать обратно. Затем выудила комбинацию и зачем-то полотенце. Прыгнула в первые попавшиеся тапки и захлопнула дверь.

Глава 2
Ильин день

1964 год. Август.

Что может быть увлекательнее переезда? Взрослые тужатся, ссорятся, что-то роняют, жонглируют крепкими словами, объединяются в пары-тройки и считают: «Раз-два, взяли!». Сталкиваются в темных коридорах и на лестничных пролетах. Пыхтят похлеще парадных самоваров, растопленных щепками в храмовый день. В доме – форменный бардак. На полу стопки книг, настенные часы, связанные бечевкой дерматиновые стулья, горшки с юккой, корзины. Глобус, лысая кукла и балалайка с одной уцелевшей струной. Баба Фима бережно упаковывает в твердую бумагу хрустальные вазы и селедочницы с криво нарисованным фундуком. Банки с компотами и белыми грибами. Трясется над своей артельной мебелью из шпонированной фанеры. Пересчитывает нажитое добро: буфет, керосиновая лампа, табуреты. Любовно заворачивает в газету портрет Галочки. На нем девочка восседает на диване в телогрейке и битых валенках и читает газету «Труд», нацепив на нос очки-консервы.

Мама Шура постоянно одергивала тесноватый халат и распихивала вату в модельные туфли. Подписывала коробки: Чайник. Казан чугунный. Фруктовница. Лапшерезка. Грибочница и графин «Дубок». Форма для кекса. Наволочки. Ступка. Кастрюля 10-литровая. Бидон. Сахарница с крышкой. Орехоколка. Электровафельница. Дуршлаг. Формы для леденцов. Самовар. Подстаканники. Дальше шло детское белье, зимнее пальто и босоножки, написанные через букву «ш». Нейлоновые рубашки и плащи из болоньи. «Лирика» Ломоносова и «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева. Репродукция картины Пименова «Свадьба на завтрашней улице». На полотне жених с невестой маршируют через котлован с наспех брошенными досками, а вокруг – стройка, трубы, краны, лужи, разъезженная глина, оттепель – одним словом, весна.

Грузчики шаркали и приседали под тяжестью серванта. Мама пыталась их страховать, ведь он новый, лакированный. Отец занимался бочками для засолки, тыча в каждую пальцем: «Для груздей, сыроежек, лисичек и опят». Никому не доверял купленный неделю назад холодильник. Впрягся сам, сделал неловкий шаг и упал ниц, расквасив нос. Мама заметалась в поиске зеленки и уточняла, где ошивается Петька. Галочка стремглав неслась в песочницу и тащила брата волоком в дом. Тот, трижды уписавшийся и наевшийся от пуза песка, упирался. Ревел. Лупил ее лопаткой и пытался ущипнуть, где побольнее. К примеру, за губу. Девочка привычно терпела. Торопилась подняться на третий этаж, чтобы в полной мере насладиться суетой переезда.

Во дворе прохлаждался грузовик, опираясь на солидные колеса, и Гале очень хотелось забраться в кабину и подудеть. Похвастаться перед ребятами, что они уезжают навстречу приключениям, а те остаются на том же месте, в том же дворе. Скукотища. Только детей особо не наблюдалось. Всех развезли по бабушкам, морям и дачам. Никто не играл в Робин Гуда, не кричал «палки-стукалки, сам за себя», и даже некому было объявить, размахивая горбушкой, щедро растертой чесноком:

– Сорок один! Ем один, – надеясь на ответ: – Сорок восемь! Половинку просим.

Двор замер. Уснул. Затих.

День выдался жарким. Густой воздух пропитался медом, зноем, бахчевыми. Арбузные ягоды продавались на каждом углу по десять копеек за килограмм, и народ, прежде чем совершить покупку, прикладывался ухом к полосатым бокам, определяя спелость на слух. Всюду

торговали квасом, и желтые позорные струйки стекали прямо на проезжую часть. Солнце карабкалось все выше, пока не ушло в зенит. Из окна второй квартиры пахло оладьями.

Больше всего Галочка переживала из-за собаки. Во дворе жила ничейная псина, похожая на волка, со знатной шеей, поленом-хвостом и острыми бодрыми ушами. О ней ходила легенда, которую с удовольствием пересказывали, украшая новыми деталями.

Поговаривали, что в какой-то из деревень жила семья – милые, дружелюбные люди, и была у них собака. Породистая, умная, с голубыми глазами. Обитали те на окраине, и сразу за их огородом начинался сосновый лес. Деревья росли настолько близко друг к другу, что никакой солнечный или лунный луч не имел возможности протиснуться внутрь, и в результате в чаще формировался редкий синий оттенок, почти что «тенарова синь». В мае он сгущался, благодаря огромному количеству колокольчиков и небу, каким-то чудом оседающему на кочках и пнях. Лес уходил севернее, и водилась в нем тьма диких животных – от крупных зайцев до кабанов с волками. Иногда хищники нападали на мирно пасущихся коз, бывало, обносили огороды, с особым удовольствием прохаживаясь по баштанам.

Как-то раз в начале февраля, когда морозы заточились до острия сапожного ножа, молодой волк унюхал за забором запах суки. Долго обнюхивал доски, пытаясь заглянуть в щель, делал подкоп в снегу, но его спугнул бдительный хозяин. На следующий день перед самым закатом прибежал снова и стал оказывать свои немудреные знаки внимания. Сука нервничала, «рюмсала», бросалась грудью на штакетник. Волк скулил, протягивая свою лапу с искривленным когтем. Так продолжалось достаточно долго, пока однажды они не завыли в два голоса. Хозяин понял, что между животными вспыхнуло серьезное чувство, и сдался. Молча отстегнул ошейник и выпустил суку на свободу.

Та в два счета перепрыгнула ров с подмерзшей водой, потрусила по неубранной морковной ботве и оказалась возле возлюбленного. Поздоровалась. Огромный черный зверь ласково прикусил ей загривок, и они отбежали на приличное расстояние. Прижались боками и шеями, затеяв некую любовную игру. Неожиданно собака дала задний ход, вернулась и лизнула хозяина. Заметалась, разрываясь между преданностью и страстью. Тот все понял. Махнул рукой:

– Да беги уже. Я не в обиде.

Со временем эту пару видели у заледеневшей реки. На пойменном лугу. Недалеко от бугристого болота. У кромки синего леса. А потом кто-то из соседей принес щенка. То ли украл, то ли тот единственный выжил после охотничьей зачистки. Его назвали Бароном, увезли зачем-то в город, и он ковылял из одного двора в другой, пока не доверился ребенку.

Девочка ухаживала за собакой со всей ответственностью. Приносила суповые косточки. Воду в железной миске. Мякиш городского батона. Рыбные головы и хвосты. Пес следовал за ней по пятам и считал своей хозяйкой. Провожал в детский сад. В универсам. В Дом книги. На кружок мягкой игрушки. Спал на теплой кофте под дверью во время зимних холодов. Поэтому когда машина, загруженная разношерстным барахлом, вырулила из двора, делая первую ходку, побежал следом. Галя выглядывала из окна и подбадривала друга. Махала ему повседневным гофрированным бантом. Барон не отставал. Летел мимо стихийного рынка с ведрами картофеля, глянцевого лука, корзинок с крыжовником и опят. Мимо бабушки в белом халате, взвешивающей всех желающих на медицинских механических весах. По трамвайным путям и тротуарам.

На углу продавали золотистые пончики с повидлом. В витринах возлежали консервы из печени налима и трески, выложенные в шахматном порядке. Рядом – странный плакат с изображением детдомовца в мешковатом пальто. Тот стоял набычившись и курил. Ниже – пояснительная подпись: «А парня, что сбился с дороги прямой, не должен никто обходить стороной». Чуть левее – изображение молодой пары, заглядывающей с надеждой в сберкнижку, и слоган:

«Возрастает сумма вклада, скоро купим, что нам надо». Обувная мастерская и будка часовщика. Приезжие у справочного бюро. Некоторые от нечего делать почитывали доску информации со свежим номером «Крокодила» и объявлениями, написанными от руки. Утоляли жажду из автоматов, напоминающих умывальники Мойдодыра.

В новом дворе грузовик выпустил пар, разгрузился и отправился обратно. Барон, не понимая, что происходит, ринулся за ним, не жалея лап. Мимо одноглазого часовщика, бездомного рисованного парня, пирожковой и теток с полупустыми ведрами. Так он сдавал кросс трижды, пока не осел на новом месте.

После коммуналки и восьми разношерстных соседей у семьи появились настоящие хоромы. Большие светлые комнаты с незашторенными окнами, пропускающие столько солнечного света, что впору ткать пряжу и вязать рубахи по примеру Элизы из «Диких лебедей». Галочка разошлась, преследуя цель собрать солнца побольше. Норовила связать лучи в сноп, соединить в букет, заплести французской косой. Утрамбовать полную банку и законсервировать на зиму в виде пастилы.

В доме царили сумятица и веселье. Родители с трудом находили ложки, чайные блюдца и даже обычную поваренную соль, ныряя с головой в коробки и мешки. Петька бегал в одном сандалике. Папа пытался выудить парадный галстук, рюмки и наливку, чтобы обмыть переезд. Бабушка Фима уже дважды куда-то пристраивала подсолнечное масло. Мама выслеживала аджику. Никто не помнил, где зубной порошок, и Галя впервые легла спать с нечищеными зубами.

На следующий день с самого утра выбежала во двор. Петька в буденовке и спортивных штанах, подпоясанных солдатским ремнем, наступал сестре на пятки и требовал мороженого. Галя выворачивала карманы и в сотый раз объясняла, что денег нет. Неожиданно им преградила дорогу худющая девочка в странном платье с дыркой для пупка и прилично выступающими передними зубами. Она грызла сухой кисель и вела себя как полноправная хозяйка двора:

– Это твоя собака?

– Моя. Будет жить либо в подъезде, либо в дворницкой. Умеет давать лапу.

– А у нее есть прививки?

Галя покачала головой.

– Если окажется больной, придется вывезти в лес. В прошлом году наш пес заболел, и папа вывез его за город, привязал к дереву, чтобы тот не смог вернуться. Дурашка скулил, давил на жалость, только нам лишняя инфекция ни к чему. В итоге его живьем съели медведи.

Затем девочка, видимо наевшись, протянула брикет:

– Будешь сикель?

Галя отказалась, зато Петька обрадовался, впившись зубами в слиток «плодово-ягодного». Новая знакомая снисходительно улыбнулась, представилась Лариской и похвасталась выпавшим зубом, выудив его из кармана вместе с хлебными крошками, желудем и пятаком.

За неделю до начала учебного года в городе появились вооруженные мужчины и стали отстреливать бродячих собак. В арках и подворотнях стоял беззащитный скулеж и темнели пятна крови. «Охотники» целились бездарно. Псы пытались убежать, спасая простреленные лапы. Те только ухмылялись. Щелкали затворами. Добивали.

В один из таких дней Галя влетела во двор, обняла Барона и даже попыталась его приподнять, но псина оказалась слишком тяжелой. Девочка заметалась по площадке в поисках укромного места, и Лариска предложила подвал, в котором жильцы хранили свою консервацию. На том и порешили. Подстелили фуфайку, снабдили «волка» куском сала с хлебом и долго чесали за ушами. Шушукались. Затем разошлись. Галя поспешила домой смотреть «Каникулы

Бонифация», а ее подруга – навстречу живодерам. Девочка смело поздоровалась, расшатывая очередной зуб, и подсказала, где прячется бесхозный кобель. А как иначе? Все по-честному! Порядок есть порядок, и она, как ответственный советский ребенок, просто обязана так поступить. В тот же день Барона убили двумя выстрелами в голову и унесли в мешке.

Утром в тарелках дымилась перловая каша. Каждое зерно размером с палец. Галя тайком складывала еду для Барона, ерзая на месте, пока мама не прикрикнула:

– А я тебя предупреждала, что наберешься глистов. Видишь, как неприятно? С сегодняшнего дня будешь есть тыквенные семечки.

Бабушка, чистившая картошку, возразила:

– Мы раньше делали по-другому. Измельчали соленую сельдь с желтком, двумя ложками пшена и зубцом чеснока, а потом заливали прохладным кипяченым молоком. Принимали трижды в день. Гадость редкая, но черви выскакивали, как миленькие.

Мама зло огрызнулась, мол, в современном мире живем. И вообще, ваше дело маленькое – чистить картошку и помалкивать.

Фима быстро отвернулась, ссутулилась и еще быстрее замелькал ее перочинный нож.

Галя не могла дождаться, когда ей позволят встать из-за стола, поэтому получив шлепок мокрым полотенцем, что значило «иди на все четыре стороны», направилась прямиком в подвал. На стоптанных ступеньках алело что-то красное, напоминающее клюквенный морс. Затем точки выросли до размеров луж. Девочка, еще не до конца понимая, таращилась по сторонам и звала: «Барон, миленький, выходи! Опасность миновала». И только завидев окровавленную фуфайку, все поняла и заплакала.

Шура очень переживала, что переезд случился в високосный год. Хуже не придумаешь. Всем известно, что не стоит в такой период строить дома и хозяйственные пристройки. Топить котят. Менять прически. Жениться, разводиться, переходить на новое место работы и делать дорогостоящие покупки типа автомобиля «Запорожец» или швейной машинки. Собирать грибы, чтобы не поднять с земли все дурное. Поэтому узнав о новой беременности, рвала на себе ризы. Ну как ее могло так угораздить? Ведь оставалась под неусыпным контролем соседки-докторши и привычно предохранялась ломтиком лимона. Да еще эти таблетки, размером с пятак, от которых то знобило, то бросало в жар. Во время переезда старательно таскала тяжести. Прыгала с табурета и со стремянки, надеясь, что нежеланный ребенок расшибется. Выпустит из ладошек пуповину. Только тот расположился основательно, крепко держась двумя руками за стенки ее желеобразного живота.

Ефим лез с утешениями, но она обрывала мужа на полуслове:

– Что ты такое говоришь? Как это – где двое, там и трое? Я только отошла от ночных кормлений, ветрянок, зассанных ползунков. Только голову подняла, жить начала, на работу вышла и снова туда же? И потом в мире что ни день, то катастрофа. В Тонкинском заливе – перестрелки. В Южном Вьетнаме – переворот. Не дай бог снова война! – затем скрещивала руки и с силой прижимала к набухшей груди: – Как не вовремя! Как же все это не вовремя!

Галю с Лариской определили в один класс, девочки сели за парту вместе и поклялись дружить вечно. Всюду ходили вдвоем: в раздевалку, в туалет и школьный буфет. В буфете Лариска всегда просила два стакана киселя, но, как и прежде, путала буквы, и вскоре к ней прицепилось прозвище Сикель.

С началом учебного года семилетней Гале пришлось стать взрослой. Она прибегала из школы, делала на скорую руку уроки и летела за Петькой в детский сад, стараясь не отвлекаться на витрины книжного магазина, портреты космонавтов, чтение лозунгов типа «Коммунизм – светлое будущее всего человечества» и афиши. В прокате шел фильм «Добро пожа-

ловать или посторонним вход воспрещен». До прихода взрослых с работы успевала сбегать в гастроном за хлебом и загрузить стиральную машину, пропустив через два тугих валика несколько простыней и пододеяльников. Вытереть пыль и отполировать круглую, как сдобный калач, настольную лампу. Взрослые возвращались к шести и гремели на кухне посудой. Отец традиционно жарил лук в муке. Мама чистила картошку, периодически почесывая свой вечно зудящий живот. Галя расставляла тарелки. Пыталась пересказать школьные новости и спеть «Песню советских школьников». На втором куплете ее грубо прерывали и начинали разговор о новом ребенке, ютившемся в натянутом до предела пузе. О том, что тот мало двигается. Мама промокала слезящиеся глаза, поднимала голову вверх и пыталась кого-то уговорить: «Прошу тебя, только не калека». Затем шикала на Галю, требуя занять Петьку. Тот становился неуправляемым. С виду ангел в шортах на подтяжках, в ситцевой рубашке и тюбетейке, ласково заглядывал прямо в душу, а руки в это время душили котенка или ломали бабы Фимину «давеча» расцветшую бегонию. В садике на него обижались воспитатели и мамаши. Тот имел привычку щипаться, зажимая пальцами-щупальцами кожу и прокручивая ее на сто восемьдесят градусов, или кусаться, словно сволочная крыса, прокалывая острыми зубками самые нежные места – шею или кожу под глазами. Дети визжали и демонстрировали кровоподтеки. Бывало, когда брат с сестрой оставались в комнате одни, Петька ни с того ни с сего начинал вопить: «Пожалуйста, не бей меня! Мне очень больно! А-а-а! Не нужно ногами!» Галя с глуповатой улыбкой на губах замирала, и в этот момент влетали разъяренные родители. Волокли ее в угол, а Петька как ни в чем не бывало продолжал строительство гроба или тюрьмы.

Мальчик играл в странные игры, чаще всего в похороны, смерть, войну. В переполненном транспорте истерил: «Не хочу домой! Папа опять будет тушить об меня сигареты и подвешивать вверх ногами». Люди укоризненно качали головами, а Галя пыталась брата пристыдить. Кондукторша предлагала вызвать милицию и написать куда надо, а тот еще больше распалялся, сучил ногами и специально облегчался в штаны. Мол, полюбуйтесь, какой я пуганый. Когда баба Фима заикнулась, что с мальчиком не все ладно и по-хорошему его бы нужно показать врачу, на нее привычно зашикали и потребовали не молоть чепухи. И вообще, ваше мнение никого не интересует. А потом родилась Леночка, и на Петьку вовсе махнули рукой.

Они ехали в роддом, играя в города. Папа отвечал невпопад. На букву «А» – Енисейск, а на «П» – какой-то Сергиев Посад, поэтому пришлось сосредоточиться на стройках с одноногими кранами и на тетке в тулупе, торгующей куриными шеями и крыльями. Петька читал по слогам «Строить прочно – сдавать досрочно», Галя волновалась, что не выучила к завтрашнему уроку «Гимн Советского Союза», а отец рассеянно рвал на мелкие кусочки проездной талон. У больницы замешкался и даже попытался заскочить в ближайшую пивную, но Галя расплакалась, и пришлось свернуть на дорожку, кое-как присыпанную песком. Петька жаловался, что снег царапает лицо, и норовил устроить очередной «концерт». На него не обращали внимания, так как в окне показалась зареванная мама. Отец закурил и что-то накалякал в воздухе дрожащим указательным пальцем. Мама покачала головой и закрыла лицо руками. Стала раскачиваться, задевая лбом раму и стекло. Отец с сеткой, в которой болталась гречневая каша и невкусные паровые котлеты, поплелся к больничному крыльцу и присел в реверансе перед надменной санитаркой. Та потребовала какую-то расписку, и он что-то долго писал и зачеркивал, допуская одну ошибку за другой. Из-под шапки ползли струйки пота и заливали глаза.

Через неделю в дом воровато внесли одеяльный сверток, перевязанный розовой лентой. Дети выбежали в прихожую и уткнулись в мамин все еще внушительных размеров живот. Она рассеянно погладила их по голове и попросила поиграть в другой комнате. Они для вида согласились, а потом пробрались в родительскую спальню и облепили кроватку. Петька преданно смотрел в глаза и исподтишка щипал младенца. Тот орал. Мама, подвязанная платком, тыкала ему в рот сосок, напоминающий виноградину. Отец шикал и устраивал проветривания.

Листал какие-то медицинские журналы и созванивался с профессором по фамилии Зильберман. Носил тому сумки с дефицитными конфетами и коньяком. Верил, что все еще образуется, но когда в положенное время девочка не начала держать голову, не сказала долгожданного «агу», не села, заваливаясь то вправо, то влево, начал выпивать, и никто не смел упрекнуть его в этом. Как-никак у мужика такое горе.

Все открылось, когда Петьке исполнилось двенадцать лет. Сперва один из соседей заподозрил, что мальчик скручивает голубям шеи. Прибежал взмыленный, бледный, растерянный и все время, пока пил на кухне чай, щупал в вороте рубашки свою потную шею. Ему не поверили, да и пацан твердо стоял на своем, мол, «враки все это». Затем в многоквартирном доме начали массово исчезать коты. В пятой потерялся Бэмби, в двадцать седьмой – Авдотья. Хозяева развешивали объявления и слонялись дворами, как в воду опущенные. Никто из соседей не видел молодого полосатого котяру и старушку Дуняшу.

В один из дней отцу понадобились гвозди, и он отправился в гараж. Не доходя метров десять, услышал кошачий вой, а распахнув дверь, чуть не помер от ужаса. В железном ящике, накрытом крышкой, заживо горел очередной пропавший кот, а его сын спокойно наблюдал за происходящим, сверяясь с секундомером. Пока Ефим метался в поисках воды, искал, чем снять раскаленную крышку, кот испустил дух. Мужчина сполз по стене и неожиданно заплакал, а его ребенок в это время равнодушно разглядывал обгоревшую тушку.

– Зачем ты это делаешь?

– Ради эксперимента.

– Ради какого эксперимента?

– А разве не любопытно, сколько длится агония?

Ефим посмотрел в упор, будто выстрелил. Сын не отвел взгляда. Затем отец с трудом поднялся, старясь не дышать пропитанным жиром и паленой шерстью воздухом, но тошнота все-таки накатила, и его вырвало прямо на пол. Петька демонстративно зажал пальцами нос.

Он не помнил, как оказался в квартире, как упал навзничь в прихожей, свалив вешалку-треногу, и захрипел. Ему вызвали скорую и увезли с сердечным приступом, но он так и не признался в увиденном и впоследствии всю жизнь остерегался собственного сына.

Шло время, и стартовала девятая пятилетка. Рядили дожди, косились хлеба, разрастались березы и белые ивы. Началась антиалкогольная компания, преследующая цель изменить интерес к вину в пользу виноградного сока. Писатели сплотились против Солженицына, выступив в газете «Труд» с открытым письмом. Его подписали Айтматов, Катаев и Симонов. В школах продолжали рассказывать о ядерной войне, способах защиты от лучевого поражения, внушая безоговорочную веру в могущество Советского Союза.

Петька вроде как присмирел, вытянулся и оброс гнойными прыщами. Галя перешла в девятый класс и превратилась в настоящую красавицу. На нее засматривались сверстники, старшеклассники и даже кореши отца. Младший брат взял в привычку за ней шпионить и выдавать пикантные подробности в самый неподходящий момент. К примеру, что та выщипывает пинцетом волосы на лобке.

Леночке исполнилось семь, и все свыклись, что она никогда не поправится и навсегда останется инвалидом. Ее продолжали исправно мыть, кормить, вывозить на балкон подышать цветущей сиренью или легким морозцем. Та послушно сидела, пытаясь поймать на язык снежинку или дождевую каплю. Мычала. Петька больше не складывал ей в рот дохлых мух после того, как баба Фима засекла его со спущенными штанами. Пригрозила рассказать родителям, что грешит рукоблудием, и тот испугался, оставив младшую сестру в покое.

Галя все также дружила с Лариской, и девочки постоянно то ссорились, то мирились. Лариска в открытую завидовала подруге и не скрывала своих чувств. Иногда, чуть не плача, высказывалась:

– Я одного не могу понять: почему одним все, а другим ничего? У тебя и оценки повыше, и фигура получше, и дом побогаче. У всех наших одноклассников обои в клетку, дверь в клетку, шторы в клетку, а у вас импортная мебель, сифон с минералкой и барбарисовый сироп каждый день. Даже запеканка из одного творога, а мы разбавляем ее либо рисом, либо вчерашними задубевшими рожками. Тебе все дается легко. Разок послушаешь, как вычислять квадратный корень из неотрицательного числа, и тут же уловила, а мне все нужно брать задницей.

Галя в такие минуты оправдывалась. Выискивала в себе изъяны в виде уродливой родинки и кривого мизинца. Пыталась сменить тему на ближайшую поездку в Краснодон. Девушки мечтали пройти по следам знаменитой «Молодой гвардии». И только баба Фима с самого начала Лариску недолюбливала, утверждая, что та вертится, словно вша на гребешке. Внучка фыркала, мол, что вы можете понимать в дружбе? У вас отродясь не было подруг!

Накануне поездки Галя узнала страшную семейную тайну и очень ею тяготилась. Проснувшись около полуночи, направилась в туалет и услышала спор, доносящийся из кухни. Мама бросалась злыми заточенными фразами, а отец шикал и сопел. Та не унималась:

– Что ты от меня еще хочешь? Я разрываюсь между семьей и работой, а ты пристаешь со своей матерью. Я ее приютила? Приютила! Скрываю ее грехи? Скрываю! Не отказываю в угле и куске хлеба? Не отказываю! О какой любви ты со мной ведешь беседы?

Папин голос звучал тускло, будто в нем садилась батарейка:

– Я не прошу ее любить, просто относись с уважением. Она все-таки моя мать. Не делай ей замечаний, словно сопливой девчонке. Не затыкай рот. Не указывай на место.

Мама еще больше заводилась:

– Как я могу ее уважать? За что? В тот момент, когда наши отцы истекали кровью под Сталинградом, она крутила любовь с фрицем. С фашистом! С тем, кто отобрал у твоего отца жизнь. Кто прошелся своими башмаками по нашим судьбам! С врагом!

– Да что ты вообще можешь знать о жизни и о войне? Думаешь, все немецкие солдаты горели желанием воевать? Да тех, кто прятался, вешали и бросали прямо посреди дороги для устрашения таких же дезертиров, а местная ребятня развлекалась тем, что швыряла в мертвые задубевшие рты камни. Думаешь, им было за счастье оставлять свои семьи, дома, привычную жизнь и морозить жопы в окопах? Хлебать похлебку из дохлой конины? Носить шинели, примерзающие к телам? Да ты хоть представляешь, что многие заканчивали жизнь самоубийством, только бы не участвовать в чьей-то кровавой игре? Они же были пешками, пушечным мясом! Вот поэтому и стрелялись, вешались, топились, либо прыгали с обрывов. А тем, кто пытался сбежать, а, по-твоему, дезертировать, сносили головы. Казнили на гильотине, будто в средние века. Война – это не то, о чем написано в книгах. Война превращает людей в зверей, притом без разбора – и своих, и чужих. Чтобы ты понимала, когда наши отступали, вся деревня пряталась в погребах. Так вот, один такой «герой-освободитель» ворвался к соседскую избу и увидел испуганную бабу с шестнадцатилетним пацаном. Недолго думая, наставил на него автомат и расстрелял. Свой своего. Вооруженный беззащитного, на глазах у матери. Видишь ли, обзавидовался, что паренек имеет возможность спать на печи, а не в окопе, и есть мамкины борщи.

Шура грубо его оборвала:

– Не было такого. Врешь ты все. Фашист – он и в Африке фашист, да еще и трус в придачу. Вместо того, чтобы пасть на поле боя смертью храбрых, предпочел сигануть с отвесной скалы и свернуть себе шею. Ненавижу!

Галя на цыпочках вернулась в постель и забилась в угол. Как же так, ее добрая, веселая баба Фима, звонче всех поющая частушки и угощающая ее друзей яблочными галушками, и вдруг такое?

Получается, она предательница? Девушка долго не могла уснуть. Вспоминала, сопоставляла, подгоняла факты. На следующий день проигнорировала бабулькино «доброе утро». Демонстративно отказалась есть ее шаньги и паштет с яблоками. Фима приняла это достойно. Как должное. За много лет успела привыкнуть к миру, ежечасно поворачивающемуся к ней спиной.

Поезд держал путь через степь, поднимая за собой столб пыли. Проводник, позвякивая стаканами, сокрушался: «Жалко, пивонии отцвели». Трава шла за ветром, послушно выгибаясь, как индийская танцовщица. Где-нигде паслись полудикие лошади с огненными гривами. Небо болталось на одной пуговице и норовило прижать к пальцу состав, словно прыткую вошь. Тот лишь посмеивался и отдувался на станциях, торгующих жареными пирожками с абрикосом, семечками и яблоками размером с мячики для пинг-понга. На десятки километров не было ни одной тени, ни одного кучевого облака, только стекловидный воздух, унылые скифские бабы да неряшливая трава с вкраплениями белой кашки и фиолетовых бантиков степного шалфея. Лариска, выучившая роман о молодогвардейцах наизусть, жарко шептала в ухо:

– Представляешь, точно в такой зной отступала Красная армия в сорок втором. Со своими обозами, танками, артиллерией. За ними двигались детские дома, беженцы, скот. Люди торопились к реке Донец, но не успели. Немецкие танки прорвались и перекрыли дороги. Весь нестройный караван повернул обратно. С ними будущие герои: Уля Громова, Кошевой, Ваня Земнухов. Все только начиналось.

Затем упиралась взглядом в Галину обновку и скрежетала зубами. Галя сидела на полке в модельном сарафане с открытой спиной, сшитом мамой после просмотра какого-то французского фильма, а она – в скучном платье из универмага. В таких же ехали еще три девочки из их класса.

Следующим утром ребята вышли из вагона и захлебнулись пылью. Солнце палило варварски, лихо выжигая на теле клеймо в виде звезды. Город, раскатанный скалкой, выглядел неопрятно, будто присыпанный картофельной шелухой. Степь, окружавшая его со всех сторон, жадно подлизывала языком очерченные пунктиром границы, преследуя цель отвоевать лишний кусок земли. Низкие деревья росли ветками вниз, и то там, то здесь возвышались умбровые терриконы, напоминающие разнесенные варварами гробницы. Некоторые обрели формы раскоряченных жаб, раненых драконов и орлов.

Детям строго-настрого запретили к ним приближаться, ведь терриконы «живые» и могут смещаться, образуя опасные пустоты. Внутри остался уголь, пирит и маркизет, поэтому до сих пор происходят химические процессы, часто заканчивающиеся пожарами. Девочки боязливо поежились и не сговариваясь уставились на плешивого стометрового гиганта, заросшего карликовой акацией.

Их поселили в настоящую гостиницу для командировочных. Окна выходили на главную площадь с мемориалом, зданием горкома с десятью колоннами и клумбой, засаженной чайными розами. Те жарились на солнцепеке, источая аромат варенья. В асфальтных трещинах желтела трава. Еловые лапы топорщились балетными пачками. Разреженное небо напоминало разбухший желатин.

В группе школьников оказался видный широкоплечий парень из параллельного класса по имени Генка. Он занимался борьбой, плавал брассом, носил модную косую челку, а когда смеялся, на щеках появлялись соблазнительные ямочки. Всю дорогу спортсмен с интересом

поглядывал на Галю, но не решался подойти. Лариска замечала его недюжинный интерес, злилась и еще плотнее сжимала губы, не давая выпирающим зубам ни единого шанса.

Вечером девушки в ночных рубашках сидели на кроватях и хрустели соломкой, когда в дверь вкрадчиво постучали. Ларка метнулась и распахнула ее настежь, незаметно оголив свое костлявое плечо. На пороге мялся смущенный Генка с букетом роз и попросил передать их Гале. Заговорщицки подмигнул и торопливо сбежал по лестнице, хотя жил этажом выше.

Лариска укололась шипом, швырнула цветы на пол и запричитала. Как можно? Во-первых, обнес клумбу в таком городе. В городе, где пытали и казнили пятьдесят молодогвардейцев. Где выжигали на спинах звезды, загоняли под ногти сапожные иглы, подвешивали за ноги, пока пол не заливало плазмой. Это место подвига, а он осквернил его своим низменным поступком. Галя старательно прятала улыбку и не могла понять, из-за чего подруга так кипишует. Подумаешь, преступление.

В ту ночь они долго не могли уснуть. Болтали, шушукались, хохотали, распивая третью бутылку лимонада, а когда перевалило за полночь, Лариска выступила с предложением:

– Слушай, мы же подруги на века. Сколько лет вместе. Давай сейчас откроем друг другу самые сокровенные тайны. Те, что никому и никогда.

Галя сглотнула. Наклонилась поближе и выложила историю о связи бабушки Фимы с немецким генералом.

– Теперь твоя очередь.

Подруга неожиданно рассмеялась, и ее смех напоминал скрежет тормозов.

– А у меня от тебя нет никаких секретов.

Под утро случилось непредвиденное. Галя проснулась в быстро остывающей луже и поняла, что описалась. Устыдилась. Растерялась, не понимая, как такое могло произойти. Ведь раньше ничего подобного… Пришлось будить Лариску и застирываться под холодной водой. Придумывать версии произошедшего. Слишком много выпито на ночь воды? Новое место? Переволновалась, исповедуя семейные тайны?

Завтракали они в ресторане на первом этаже. Генка с подносом лихо «зарулил» за девчачий стол, отбросил челку и покраснел. Начал травить байки. Галя смеялась. Лариска толкала ее локтем в бок и шипела:

– Не так громко! Все смотрят в нашу сторону! Веди себя скромнее. Ты же девушка!

Затем не выдержала и театрально вздохнула, обращаясь сразу ко всем:

– Слушай, как думаешь, уже высохла простыня, которую ты так лихо ночью уделала? А то на чем будешь спать?

Генка подавился гренкой, закашлялся и вспомнил, что забыл в номере кошелек. У Гали из глаз брызнули слезы:

– Зачем ты так? Что я тебе сделала плохого?

Лариска напустила на лицо вселенскую скорбь и закудахтала:

– Галочка, милая, прости! Я честно не хотела! Оно само вырвалось.

Через час подружки помирились и плакали навзрыд у шурфа заброшенной шахты № 5, куда безжалостно сбрасывали и мертвых, и живых. Фотографировались у монумента «Скорбящая мать», возведенного в честь двадцатилетия победы, у памятника «Клятва» и возле дома Олега Кошевого. Во Дворце пионеров долго рассматривали стенды с комсомольскими билетами, личными вещами, письмами. Генка околачивался на задворках, тайком покуривал, но к девушкам больше не подходил.

Лето незаметно прошуршало юбками, браслетами, серьгами-гроздьями, и девочки перешли в десятый класс. За время каникул Галя связала эфиопской резинкой модное пончо и

стала носить на голове хайратник[5]. Обзавелась юбкой-макси и собственноручно вывела на футболке «Make Love. Not War». Щеголяла в ней без бюстгальтера, не стесняясь соблазнительно приподнятой груди с напряженными в прохладные дни сосками. Прибарахлилась настоящими темно-синими джинсами с двойной строчкой, деревяшками-шлепанцами и плащом из кожзама цвета спелой вишни. Мама хоть и продолжала отдавать всю себя Леночке, но не забывала и о других детях, пытаясь компенсировать недостающее внимание обновками, купленными с рук.

Галя давно ощущала себя взрослой. Готовила на всю семью, убирала в квартире и неплохо шила. По субботам бегала в парк на танцы. На импровизированной сцене с асфальтированным пятачком играла живая музыка, а парни в клетчатых брюках перепевали «Самоцветы», битлов, «шизгару». Все фанатели от зарубежной эстрады и на языках вертелись имена Рафаэля и Энгельберта Хампердинка.

Тем летом в город ворвался модный бум. Дамы равнялись на француженок и рижанок, щеголяя в огромных очках и платках в крупный горох поверх непомерно высоких начесов. Некоторые завивали волосы на манер афро, пользуясь самодельными бигуди из газет. Мужчины массово отпускали усы и бакенбарды. Носили брюки, сильно расклешенные книзу, и слоуны. Те, кто беднее, довольствовались кедами «два мяча».

В моду вошли темные обои со шторами, и родители, отстояв огромную очередь, приобрели и то и другое. Застелили до самых плинтусов ковры, повесили на стену репродукцию «Джоконды», круглое зеркало в раме и декоративные оленьи рога. Их квартира стала напоминать заграничную открытку. Лариска с трудом пережила подобные изменения. Она все оценивала с позиции «практично-непрактично» и считала, что в Галкиной семье сместились акценты. Ведь не о моде нужно думать, а о поступлении в вуз. Девушка мечтала стать учительницей русского языка и приходила в восторг даже от звука мела, царапающего доску:

– Я хочу доносить вечное. Говорить языком Ахматовой и Пастернака. Декламировать Маяковского и Тютчева. Главное – правильно себя подать. Зайти твердой походкой в класс и без малейших сантиментов представиться: «Меня зовут Лариса Ивановна». Правда, хорошо звучит?

Галя не разделяла ее восторга и не преследовала подобных целей. Ей хотелось любить, выбираться в походы куда-нибудь на Кавказ, носить модные кюлоты, слушать Сальваторе Адамо, во всю наслаждаясь жизнью. Лариска еще больше заводилась и фонила чужими фразами, позаимствованными из кино:

– Пойми, если ты не нашла себя в семнадцать лет, то неизвестно, найдешь ли себя вообще. Ты не имеешь права на собственное мнение, пока материально зависима от родителей. Пока не получила высшего образования, рискуешь остаться в окружении неинтересных людей и так и не принести обществу никакой пользы.

Галя хохотала, приглашала в «стекляшку» на мороженое и называла исключительно Ларисой Ивановной. Одноклассники прозвище подхватили, изменив заодно и фамилию на Сикель.

Все началось с Генкиного дня рождения. Парень пригласил ребят из двух классов на дачу и устроил настоящую вечеринку. Не пошла только Лариска, слегшая с простудой, да еще несколько «серых мышей».

В понедельник ученики возбужденно шушукались, обсуждая произошедшее: как опустошали бар, освежались в сугробах, играли в бутылочку. Лара слушала и закипала. Как такое возможно? Где девичья честь и куда подевалось понятие «Умри, но не давай поцелуя без любви»? Тайком сканировала именинника, не сводящего с Гали глаз. Тот все также увлекался спортом, занимал призовые места на соревнованиях, носил огромную лисью шапку, видимо, отцовскую,

[5] Хайратник – тесьма или кожаный шнурок на голове, атрибут моды хиппи.

и никогда не одевался на переменах. Выбегал в одном свитере, лепил снежки и метко отправлял их в спины. Галя проворно уворачивалась, гоняя между турниками этакой газелью, а Лариска старательно поддавалась, подставляя тощие бока. Генка не интересовался легкой добычей. Снова и снова нырял красными пальцами в снег, ваял снежных колобков и помечал березы-далматинцы, чужие головы, качели. Заводился. Возбуждался, охотясь за ее неуловимой подругой. Неожиданно после шестого урока Лариска выступила с предложением собрать внеплановое комсомольское собрание и заняла место у доски:

– Ни для кого не секрет, что на днях Геннадий отмечал свое шестнадцатилетие, и на празднике был алкоголь. Я не удивляюсь, что пили спиртное Мила и Таня. У них нет никаких моральных принципов. Они не готовятся поступать в институт и не занимаются общественной работой. Меня беспокоит, что в этом принимала участие моя лучшая подруга, отличница и будущая медалистка, поэтому не могу оставаться в стороне. Кроме того, она проявила верх аморальности, целуясь с именинником у всех на виду.

Ребята слушали невнимательно и глазели в окна. Там деловито сновали длинноносые грузовики и представительские «Волги». Простаивал без дела туго подпоясанный милиционер, словно бочонок для игры в русское лото. На проводах в шахматном порядке сидели вороны в ожидании хода короля, и собирались ранние сумерки. Наглухо застегнутая классная руководительница периодически призывала всех к порядку и незаметно зевала в рукав. Лариска все замечала, злилась, а потом нащупала Галин снисходительный взгляд и пошла в атаку:

– У настоящей комсомолки не должно быть секретов от товарищей. А у Гали секреты есть, и я просто обязана их обнародовать. Отец выпивает, брат ставит опыты над животными, а бабка в годы войны была подстилкой у фрицев. Поэтому считаю, что Галю нужно исключить из комсомола.

В классе поднялся шум, и учительнице пришлось стучать указкой до тех пор, пока та не сломалась. Обвиняемая сидела, не шелохнувшись, только до крови кусала губы. Лариска с чувством выполненного долга прошла на свое место и расправила на коленях передник. Учительница объявила голосование. В ту же минуту вороны прервали шахматный турнир и отправились восвояси.

Галя вернулась домой позже обычного. Молча села за стол и уставилась на клеенчатые орнаменты. Мама решила не задавать вопросов. Лишь бросила любимую фразу, годящуюся на все случаи жизни:

– Понимаешь, доченька, если выпадет счастье, так это на минуточку, а беда, поверь, навсегда.

Галя подняла на нее абсолютно пустые глаза и согласилась.

Девушку исключили из комсомола и «срезали» золотую медаль, Лариска получила свою вызубренную серебряную и усиленно готовилась к поступлению в педагогический. Замахнулась на столицу, считая, что только там достойный профессорский состав. И вообще там все лучше: есть метро, скоростные трамваи и высотные дома. Литературные музеи. Театры. Вечерние огни.

В Гале, напротив, что-то сломалось. Девушка разобиделась на несправедливый мир, всем назло отнесла документы в бурсу и начала осваивать профессию столяра-станочника наравне с деревенскими ребятами. Те смачно плевались и курили «Приму». Пахли потом, перегноем и одеколоном «Турнир». Особо не выбирали выражений и не спешили читать Аксенова. Смотреть «Не все коту масленица» или «Дядюшкин сон» в Театре русской драмы. А зачем? Все равно всю жизнь стоять с рубанком, ножовкой и топором.

Математику у них преподавал Михаил Васильевич по прозвищу Фрунзе. Настоящий самодур с перекошенным лицом вследствие инсульта. Мужчина буксовал в преподаваемом предмете и ненавидел детей – всех, кто имел симметричные глаза и губы, а еще молодость,

красоту и здоровье. Галя оказалась в числе его личных «врагов». Она лучше всех знала предмет, имела живой ум, нестандартное мышление и этим еще больше выводила из себя. Стоило девушке хоть на секунду замешкаться с ответом, орал: «Что ты о себе возомнила, красавица? Предмет нужно учить, а не елозить губы помадой». Галя расстраивалась и теряла минусы. Тот ликовал. Чихвостил. Ставил двойки.

Зато на практических занятиях ученица блистала. Обладая врожденным художественным вкусом и творческой фантазией, делала фигурные подсвечники, стулья и полки с особым изяществом и радостью. Талантливо работала с буком, отмечая его структуру и приятный красно-розовый цвет, и со временем о ней стали поговаривать, как о девушке с мужским мозгом.

Из училища Галя возвращалась около трех. Привычно хваталась за пылесос и ветошь. Чистила содой закопченные кастрюли. Лишь раз заикнулась о несправедливости Фрунзе, но наткнулась на стену непонимания. Отец, «выкушав» обязательные вечерние сто граммов, засунул в рот четвертину луковицы и хрюкнул: «Учителю виднее. Значит, заслужила свои неуды». Мама, испачканная супом с головы до ног, ничего не поняла. Она беспокоилась о Леночке, так как та всю зиму болела, сильно потеряв в весе. И только баба Фима проявила участие, посоветовав сходить в церковь.

После ужина Галя привычно собирала грязную посуду, мыла, вытирала, расставляла в шкафу. Затем садилась за учебники и подолгу смотрела в окно. В темном квадрате несинхронно мигал фонарь и выла чья-то собака, задирая голову на костлявой шее. Снег густел, будто в него подмешали картофельный крахмал, и падало навзничь небо. Девушка сидела до одиннадцати, считая фонарные позывные, а потом захлопывала нетронутый учебник и отправлялась спать.

По ночам в их доме часто горел свет. У Леночки держалась высокая температура, и в квартире пахло уксусом, водкой и квашеной капустой. Кислые компрессы ставили на лоб, мостили куда-то в пах и изгибы локтей. Под утро, когда жар наконец спадал, родители отчаянно ругались на кухне. Отец в чем-то обвинял мать. Мама нападала на отца. Каждый пытался дать выход своей многолетней усталости.

Весна решительно запаздывала, соря снегом, окрошкой льда, сваренными вкрутую лужами. Март, весь какой-то вялый и простуженный, слонялся без особого дела. Тусклое солнце напоминало дешевую подделку желтого сапфира. Точно также выглядели джинсы с фальшивым лейблом, несколько часов кипятившиеся в ведре. Люди поголовно болели, поспешив облачиться в демисезонные боты и пальто. Кашель стоял в метро, в очередях за «Докторской» колбасой и в поездах дальнего следования. Все время хотелось есть, спать и плакать.

Галя по инерции ежедневно бегала в бурсу и слушала о профессиональных заболеваниях. О тугоухости, травмах крестца и отпиливании пальцев. Училась разбираться в чертежах и породах древесины. Осваивала непонятные шпунтубели, еруноки и галтельники. Петька все чаще прятался в ванной и рассматривал порнокартинки. После его визитов девушка боялась к чему-нибудь прикоснуться, заливая хлоркой раковину, стиральную машинку и пол. Однажды даже отправилась к гадалке, чтобы та перетасовала стертые до основания карты и предрекла хоть какое-то, но счастье. Тетка попалась прожженная. Пригвоздила своими темными глазами и вытащила из колоды сразу три карты. Предрекла казенный дом и наглую смерть. Попросила беречь будущую дочь и собственный рот. Галя так расстроилась, что, замешкав в прихожей, чуть не ушла в теткиных туфлях и пальто.

Когда из солнечных обломков наконец склеилось первое тепло, девушка по совету бабы Фимы отправилась в церковь. Выбрала самую дальнюю, до которой нужно ехать двумя автобусами. Церквушка оказалась совсем маленькой, без пафосных куполов, башен, колоколен и со

смазанным притвором. У входа крутились тетечки с лоснящимися лицами и выковыривали из-под ногтей свечной воск. При виде девушки осуждающе закивали затянутыми в незатейливые платки головами-луковицами.

Галя потопталась на пороге, словно решая, с какой ноги лучше войти. Отметила березы с тугими зелеными сережками и кошку, сосредоточенно вылизывавшую свои интимные места. Вошла. Служба уже закончилась, но люди еще прикладывались к образам. Юркий дьячок с красным не то от жары, не то от увлечения кагором лицом суетился. Бабки в спущенных гармошкой гамашах опирались щеками на клюки и заканчивали начатую после прочтения Ветхого завета беседу. Батюшка просвещал паству о пользе пожертвований. Неожиданно поднял лохматые брови и прикрикнул:

– Ты куда явилась в таком виде?

Галя не сразу сообразила, что вопрос адресован ей, продолжая мять в ладонях стержни свечей. Тогда поп прогремел:

– Что, с головой совсем плохо? Если носишь мужскую одежду в миру – носи, но в храм приходи, как подобает женщине. Это одежда варваров. Они придумали брюки, ибо без штанов на коне скакать неудобно.

Галя сделала шаг назад, задела лампадку, и горячее масло обожгло макушку. Одна из икон опасно накренилась, и сердобольные бабки, всю службу обсуждавшие стоимость калины и суконных бурок на рынке, бросились наперегонки спасать реликвию. Батюшка продолжал гневаться, съедая остатки солнечных лучей. Галя пятилась к двери, но тот не унимался:

– Вернешься, когда одумаешься. Когда осознаешь разницу между клубом и храмом. Когда…

Девушка выскочила во двор, едва не наступив на вылизанную дочиста кошку. Березы сжались от страха, соединив ветки в банный веник. Небо, поделенное самолетами на квадраты, нависло сплошным крестом.

В тот день ей не хватало трех копеек на хваленый всеми «Розыгрыш». Неожиданно за спиной кто-то успокоил:

– Не волнуйся, я заплачу.

Галя увидела смазливого рыжего парня в короткой куртке и брюках-клеш.

– Илья.

– Галя.

Они сели рядом и за весь фильм не проронили ни слова. Когда побежали титры, Илья уточнил место учебы девушки, а потом резко направился к выходу.

На следующий день на большой перемене класс оживленно высыпал на улицу и ахнул. Во дворе на гнедом скакуне величественно гарцевал Галин вчерашний кавалер и кого-то высматривал. Завидев девушку, лихо спешился, придерживая поводья, одернул куртку и достал из-за пазухи лисенка. Как потом оказалось, парень обожал эпатажные выходки на манер Сальвадора Дали. Разгуливал с козленком, ездил на странном автомобиле без крыши, ночевал в поле вместе с цыганами. Мальчишка выглядел совсем юным – лет шестнадцати, не больше, с узким веснушчатым лицом, серыми, чуть косящими глазами и коротким огненным ежиком. Красиво закурил и взглянул на нее чуть затуманено:

– Хочешь, прокачу?

– Хочу.

Помог забраться, пришпорил коня, и из-под копыт брызнули разноцветные лужи. Хвастнуло солнце, и Галя рассмотрела в воздухе радугу, посчитав это хорошим знаком.

В тот день девушка не вернулась ни к третьему, ни к четвертому уроку. Гарцевала с новым знакомым по малолюдным улицам, обедала в ресторане котлетой по-киевски и болтала о том о сем. У подъезда Илья предупредил:

– Не водись со мной. Это не закончится добром. И вообще, ты слишком хорошая.

Галя сглотнула:

– Не переживай. Я быстро стану плохой.

Компания собиралась за гаражами. Дальше только кукурузные и подсолнуховые поля. Ребята разжигали костер, горланили под расстроенные гитары блатные песни и выпивали. Курили косяки и коноплю из самодельного бульбулятора. Галя сидела чуть в стороне на обломке кирпича и наблюдала. Илья косил под Высоцкого, старательно старя голос, а потом передавал по кругу бутылку дешевого портвейна. Когда очередь дошла до Гали, снисходительно заметил:

– Девочка может пропустить. Еще маленькая.

У Гали недобрым блеском зажглись глаза:

– Глупости.

Вырвала из рук бутылку и не остановилась, пока не достала дна.

На следующий день они уже сидели у костра рядом. Плечи соприкасались, и от любого движения девушку накрывало чувственной волной. Илья задумчиво курил и расспрашивал о делах. Галя начала рассказывать и не могла остановиться. Тот слушал, не перебивая, и девушка выплеснула все-все: и о Лариске, и о Петьке, у которого вместо сердца кусок дерьма, и о Фрунзе. Парень никак не комментировал. Просто обнимал и раскачивал, как маленькую:

– Выпей. Полегчает.

Через неделю Фрунзе загремел в больницу со сломанными ребрами. Галя с трудом дождалась вечера, чтобы задать вопросы. Илья равнодушно уставился в поле с юркими, почти что игрушечными тракторами, а потом хмыкнул:

– Собаке – собачья смерть.

Неожиданно рассмеялся:

– А хочешь, мы достанем из-под земли и твою Сикель и покажем ей, «где раки зимуют»?

Галя нервно затряслась.

Дальше все шло по плану: костер, «Так здравствуй, мать» под гитару, небо, обколотое звездами, пылевидный дождь и ночь непередаваемого глухого цвета. Чуть в стороне фыркала лошадь, пытаясь смахнуть с челки водянистую пыль. Илья постоянно ее одалживал у сторожа, и она принимала его за своего. Вот и в этот раз парень забычковал сигарету, выдернул девушку из недопетой песни и повел в сторону дремавшего коня. Тот стоял с прогнутой поясницей и отвисшей нижней губой.

Сперва они долго скакали по размягченному полю. Галя крепко к нему прижималась, ощущая в теле невиданную сладость. Напряжение нервов, сосков, низа живота. Затем Илья перевел лошадь с галопа на рысь. С рыси на шаг. Привязал коня к дереву, помог девушке спешиться и набросился с поцелуями. Она с готовностью отвечала, самозабвенно облизывая припухшими губами его жесткий рот. Голова кружилась с такой силой, будто несколько часов кряду вертелась на карусели, а потом, когда приоткрыла левый глаз, поняла, что небо с землей поменялись местами окончательно и бесповоротно.

На прицепе с мелкими полусгнившими яблоками лежал матрас, и Илья заботливо уложил на него Галю. Начал копошиться в пуговицах, пряжке ремня, в заедающей молнии. Прикрывал не то курткой, не то куском брезента ее голые коленки. Просил откинуться назад. Расслабиться. Впустить. Она расслаблялась изо всех сил, только все равно не покидало ощущение, что внутри орудует лезвие.

С того дня девушка каждый вечер торопилась на «малину». Илья вел себя непредсказуемо, будто человек в футляре. То у всех на виду с ней заигрывал, то в упор не замечал. Флиртовал с какими-то залетными девицами, уединяясь с ними на том же поле, на глазах у той же

лошади. Галя влюблялась все сильнее и постоянно была на взводе. Дома никто ничего не замечал. Петьку рвало на части от тестостерона, родители зациклились на недоразвитой Леночке, и только баба Фима однажды уточнила:

– Скажи хоть, как его зовут?

Галя слегка сконфузилась:

– Илья.

Бабушка хмыкнула:

– Ишь ты, суровый был святой. После Ильина дня в поле сива коня не увидишь – вот до чего темны ночи. Вода стынет.

Затем окунула шумовку в кипяток, обожглась и схватилась за мочку уха:

– Только они нас любят до того, а мы их опосля. Вразумела?

Галя ничего не поняла, но расспрашивать не стала. Еще чего!

Тревогу забили, когда девушка вернулась домой за полночь и «на рогах». Отец схватился за ремень и укололся о взгляд дочери. Та демонстративно бросила на стол недавно полученный диплом столяра-станочника и пригрозила навсегда уйти из дома.

В сентябре Илья получил повестку, а Галя узнала о своей беременности. Она резко похудела, будто какой-то одуревший от свободы скульптор одним неловким движением счесал ее щеки и бока. Размял пальцами припухлости, и там, где раньше круглело плечо, теперь торчала острая кость, обтянутая кожей. Губы превратились в две сплошные линии и стала бесполезной французская помада, купленная у верткого фарцовщика за двадцать пять рублей. Кроме того, девушка подозрительно резко затихла и, возвращаясь с работы, вязала какие-то крохотные башмачки под одну и ту же песню. В ней просила любимого взять ее с собой кем угодно: женой, сестрой, чужой, а тот в каждом куплете был тверд и отвечал, что у него все есть: и жена, и сестра, и посторонняя.

Проводы гуляли в ресторане. Столы ломились от крабовых салатов, паюсной икры и осетрины под маринадом. Его заплаканная мама носилась между гостей, следила, чтобы у всех было налито и читала пошлые стихи:

Ты стал мужчиной, значит, время
Отечеству свой долг отдать.
Мужчина испокон обязан
Страну и граждан защищать.

Его друзья пьяно аплодировали, и каждый считал своим долгом похлопать будущего защитника родины по свежевыбритой голове.

Галю весь вечер тошнило от голода, запаха рыбы, стука вилок о тарелки и приторных голосов популярного ВИА, звучащих из телевизора. Она любовалась лысым Ильей, не решаясь рассказать о своем положении.

Новобранца определили в древний город Владимир, и первое время тот переживал сплошную эйфорию. Слал открытки с белыми соборами: то с Успенским, то с Дмитриевским, то с Золотыми воротами. Восторгался березами, подчеркивая, что те ни чета нашим. Выше, толще, крупнее. Расхваливал роскошные ели, почти что седые, Владимирский централ, из которого не удалось сбежать ни одному заключенному, концертный зал имени Танеева и реку Клязьму, чем-то напоминающую Днепр. Может, тем, что делит город на два берега: правый и левый.

Девушка тасовала полученные открытки, пытаясь разложить пасьянс. Строила из них хижины. Срисовывала то Рождественский монастырь, то Дом-музей братьев Столетовых. Почему-то все картинки оказались зимними и напрашивался вывод, что во Владимире не

бывает ни лета, ни ягодной поры. Затем все-таки настроилась и черкнула пару строк. О чувствах и о том, чем закончилась их страсть на забытом полевом прицепе.

Илья ответил телеграммой, мол, поздравляю и выхожу из игры. Галя больно сдавила свой живот, и в нем кто-то обиженно пискнул. Затем встала и помахала почтовым бланком, надеясь выветрить неугодные слова, подышала открытым ртом и приняла твердое решение рожать.

По соседству жил Леха-ботаник. Безобидный толстозадый тип с сальной головой. Он постоянно что-то жевал, штопал свои штаны, больше напоминающие парашют, колупал лицо в поисках подсохших прыщей, а потом разминал корки между пальцами. Соседи окрестили его «грехом бабы Зины» и рассказывали, как родители отвезли тощего мальчонку на лето в село. Баба Зина закатала рукава и пообещала к осени вернуть краснощекого карапуза. В ход пошло все: коровье и козье молоко, манная каша, домашнее маслице на свежеиспеченном хлебе, оладушки с вареньем, тушеная курочка, наваристые борщи и налистники с творогом. В конце августа родители не могли налюбоваться на его округлившуюся мордашку и толстые ляжки с перетяжками. Таким образом было принято решение оставить мальчика на целый год, а потом что-то исправлять стало поздно. Через год Леха раздулся надувной куклой, и ему поставили диагноз: ожирение четвертой степени. Родители подключили лучших диетологов, и те в один голос вынесли вердикт – урезать суточный рацион и перейти на овощи. Баба Зина с трудом согласилась и вместо пяти вареников поливала медом всего четыре. Леха не возмущался и после бабкиного завтрака догонялся пряниками и баранками. Затем все мучное вынесли из дома и зарыли на огороде, а бабе Зине пришлось рыдая тереть вареную свеклу. Леха скулил, торговался, выпрашивал конфеты. Со временем так изголодался, что повадился воровать еду у свиньи.

С тех пор все попытки посадить толстяка на диету заканчивались ничем. Мальчик оставался рыхлым, неповоротливым и неспортивным. Отсиживался на пне, скамейке, бордюре и посасывал леденец, удерживая палочку толстыми сарделечными пальцами. Позже девчонки за спиной шутили, что ему и член не нужен. Каждый палец – размером с пенис. Дети его игнорировали, обзывая ботаником-жиртрестом, батоном или кабаном. Тот пропускал все мимо ушей, живя будто в скафандре и постоянно кого-то спасая: то голубей от безжалостных Петькиных рук, то голодных собак, прижившихся на стройке, то голодающих индусов и жертв гражданской войны в Афганистане. Последним отправлял скопленные деньги. Для Гали Леха оказался идеальным вариантом для фиктивного брака, и во избежание скандала с домашними она попросила его о сущем пустяке – жениться и развестись. Ботаник выслушал не перебивая. Волнение выдавали лишь вспотевшие очки. Затем расковырял на бороде гнойный прыщ и уточнил:

– Когда нужно жениться?

– Хоть завтра.

– А развестись?

Галя хмыкнула.

– Да хоть послезавтра. Мне главное, чтобы остались свадебные фотографии с каллами, шампанским и многослойной фатой.

Через месяц родителей ждал сюрприз. У празднично накрытого стола с мимозой, картофельным пюре и котлетами-ассорти топтались сосед Леха в тесном костюме да Галя в дурацком платье, напоминающем свадебное, тесноватом в талии и груди. Родители замерли на пороге, не зная, как реагировать, и только бабушка не растерялась:

– Ишь ты! Ну, что стоите, как не рады? Свадьба у нас. Гуляем!

Затем подмигнула жениху:

– Садись, милый, только мозг не прищеми.

Налила рюмочку и с жадностью к ней приложилась. Завела тонким дребезжащим голосом: «Расцветали яблони и груши». Ефим со злостью шикнул на мать и брезгливо окинул взглядом дочкин живот:

– Добегалась?

Шура под столом сосчитала по костяшкам месяцы и заплакала. Ее плечи ходили ходуном, будто поршни в велосипедном насосе. Затем также резко успокоилась, схватила со стола бутерброд и проглотила на манер таблетки. Целиком. Ефим неприлично тыкнул указательным пальцем:

– Ребенок не от него?

Девушка честно кивнула.

Тот пожал парню руку с такой силой, будто хотел вырвать из плеча, и прогремел:

– Ну что ж, молодой человек, вы свою миссию выполнили, а теперь бегом домой. Мамка, небось, заждалась.

Леха с тоской посмотрел на стол и разочарованно направился к двери. Галя выскочила следом и жарко зашептала в ухо:

– Спасибо! Разведемся в следующем месяце.

Тот кивнул, влез в разношенные туфли и нехотя взялся за лестничные перила. В спину ему неслось звонкое бабы Фимино: «Миленький ты мой, возьми меня с собой. Там в стране далекой буду тебе женой».

Илья больше не писал. Случайно прислал открытку, предназначавшуюся его родителям, в которой рассказывал, что был на Владимирском тракторном заводе и даже прикручивал колеса с помощью пневмоключа. Девушка в отместку отправила фото со своей свадьбы.

Вскоре новоиспеченная пара развелась, и Галя родила девочку. Громкую, абсолютно здоровую, ярко-рыжую Ирку.

Глава 3
Голуби летят над нашей зоной

Ирка бежала за гаражи с такой скоростью, словно сдавала норматив ГТО. Ворчала под нос:

– Тетка – дура! Все выдумала. Моя мама сейчас в магазине, в очереди за сливочным маслом. Ну и что, что ушла с самого утра? Там народу, как на митинге, пока достоишься…

В животе болталось что-то инородное – на манер вспоротой консервной банки, и сильно жгло в боку. Сердце колотилось, будто испорченное. Кажется, еще разок трепыхнется и вовсе остановится. Пальцы горели огнем. С перепугу обула выходные сандалеты, и те мигом натерли мозоль.

Дождь час как закончился, но крупные капли продолжали виснуть с крыш, декоративных подсолнухов и детских горок. Серебрили кусты шиповника и охраняемого всем миром фундука, принесенного из леса. Мотолюбители возились со своими железными конями и матерились. Ирка, привыкшая к крепкому словцу, даже ухом не повела. Чуть дальше чесал затылок растерянный хозяин горбатого «москвича». Ночью кто-то из зависти исцарапал бампер и левое крыло, и теперь бедняге предстояли непредвиденные траты. Соседка с монистом прищепок на шее развешивала во дворе простыни и сочувствующе поглядывала на девочку. Отвешивала подзатыльники своему лоботрясу, с разгона ныряющему в неостывшие лужи. Тот отбрыкивался: «Ну, маманя!»

Галя распласталась на земле абсолютно голая. На ней не было даже шейного платка. Колени неестественно разбрелись в разные стороны. Живот в грязи. Груди разъехались. Девочка старательно отводила глаза, но постоянно натыкалась на густую растительность между ног. Рядом ползал на коленях мужик со свисающей розовой кишкой, задевая ею асфальт. Не Мишка и не Витек. Чужой. Алкаш шарил в своей ширинке и хотел то ли спрятать «хозяйство», то ли наоборот, выставить напоказ. Мычал, оголяя ряд съеденных пеньков. Тыкал женщине локтем в бок, дескать, перевернись, мне так неудобно. Ирка завопила и набросилась на него с кулаками. Тот не ожидая рухнул ниц, сверкнув волосатой задницей и бельем, поржавевшим от мочи. На крик прибежал соседский мальчик и разинул рот.

– Что уставился? Помогай или проваливай!

Паренек с трудом выломал ветку сирени и стал гнать дядьку в кусты, словно отбившуюся от стада корову. Прикрикивал высоким девчоночьим голосом, вежливо обращаясь на «вы»:

– Уходите! Идите, пожалуйста, домой! Приведите себя в порядок!

Тот послушно полз по-пластунски, изрыгая из горла брань. Подтягивал исподнее. Ирка отдала новый приказ:

– А теперь отвернись!

Мальчик послушно показал спину и с преувеличенным интересом уставился на трансформаторную будку, турник, служивший не для занятий спортом, а для выбивания ковров, и футбольные ворота. Девочка в ворохе тряпья нашарила мамины трусы и попробовала их натянуть. Те не поддавались, застряв чуть выше колен:

– Мамочка, ну давай же, помоги мне!

Галя медленно открыла глаза и поднялась на локти. Заморгала. С трудом надела трусы, комбинацию, юбку. Ирка, стоя на коленях, помогала застегнуть босоножки. На одном не хватало пряжки и цветка. Пыталась оттереть зеленые пятна с лиловой кофточки, талантливо связанной крючком всего несколько дней назад. Галя пригладила волосы, нашла в траве сетку с сиротливо болтающейся пачкой масла и только потом взяла дочь под руку, отправившись в сторону дома. Ирка прохладно кивнула мальчишке:

– Будь здоров, рыжий.

Тот обиженно хмыкнул:

– От такой же слышу.

Они ковыляли, словно инвалиды, чудом вернувшиеся с войны. Галя привычно втягивала живот и ловила свое отражение в окнах, стараясь придать лицу невозмутимое выражение. Ирка волновалась, как они пройдут мимо соседок, гоняющих на лавке комаров. Те, завидев парочку, все-таки зацокали:

– Это ж надо, чтобы с такими золотыми руками, такой поганый рот! И хозяйка, и мастерица, и плотник великолепный. Вот видишь, Ирочка, до чего доводит пьянство!

Ирка мысленно соединила над головой руки, что означало «я в домике», а мама широко улыбнулась и сфокусировала взгляд на самой обнаглевшей:

– Уважаемая, а вам не тяжело будет переломанными руками зубы с асфальта собирать? Так что идите в жопу!

Тетка выпучила глаза и стала напоминать жертву базедовой болезни из медицинского справочника.

В квартире Галю развезло еще сильнее, и женщина окончательно потеряла осанку и лицо. Из последних сил держалась на ногах, пытаясь уцепиться взглядом то за трюмо, то за настольные часы в виде книги. Ее посеревшая кожа, утратив эластичность, напоминала вздувшийся паркет. Да и все тело отяжелело, словно куль с овсом. Ирка бережно обтерла ее лицо мокрым полотенцем и уложила в постель. Подоткнула одеяло. Задернула шторы. Галя мгновенно уснула, по-девичьи подложив под щеку кулак, а Ирка, вымыв от грязи обувь и выставив сушиться на балкон, включила телевизор и устроилась на самом краешке софы.

Мама проснулась через несколько часов. Девочка за это время съела два сахарных бутерброда и досмотрела «Московскую красавицу». Заметив, что она заворочалась, принесла не шибко вымытый стакан с водой и подождала, пока та выпьет, постукивая зубами о бортики. Затем обхватила себя руками и стала отчитывать, копируя не то бабу Шуру, не то учительницу в школе:

– Мама, ну что ты натворила? Как ты могла так опозорить нашу семью! Тебя видел весь двор: и соседка Зина, и тетя из кукольного театра и даже мальчик из второй квартиры. Ты валялась среди бела дня абсолютно голой. Без майки, без кофты, без трусов!

Галя сморщилась, чисто старая картофелина, и заплакала. Девочка примкнула к ее коленям, и они долго раскачивались, прощая друг друга. Мирились, держась за мизинцы. Ирка хрипло декламировала: «Мирись, мирись, мирись и больше не дерись». Потом толкаясь бежали на кухню, чтобы приготовить шоколадную колбаску. Пока мама жарила на сковородке орехи, Ирка старательно ломала печенье, отмеряла масло и молоко.

К вечеру семейство окончательно помирилось, и целых три дня в доме было ладно. Мама навела чистоту и перестирала занавески. Вынесла для проветривания на балкон все шубы и пальто. Вымыла пол под коврами и мебелью. Разобрала антресоли. Разморозила и отполировала холодильник, выбросив переморожeнный хек и банку зеленого горошка, хранившиеся непонятно с каких времен. Начистила до блеска люстру и карниз. Напекла целую гору заварных пряников «Неженка».

Трезвая Галя считалась образцовой кулинаркой. По ее рецептам готовил весь двор, уточняя, как правильно закатывать синенькие, жарить цыбульники или рульку. Что бы она не стряпала – картошку, борщ, уху или кашу, – все выглядело эстетично и вкусно. Ирка всегда с интересом наблюдала, как та режет капусту. Будто под линейку. Пельмени Галя лепила исключительно вручную, без железной кругляшки, придуманной для ленивых хозяек, а селедочный

салат нарезала по всем правилам английской поваренной книги. Свеклу, морковь и картошку крошила аккуратными кубиками, а не терла, как большинство, на терке.

Девочка обожала дни затишья после серьезных запоев. В доме снова начинали петь, печь капустные пироги, рассказывать о крысином кладе и бабушкиной сапожной заначке. Баловали ее конфетами из детской смеси и мороженого. Прогуливались вечерами вдоль «баварского» района. Когда позволяла погода, выезжали в лес за грибами-ягодами. Галя была заядлым грибником и всякий раз после дня, проведенного среди подосиновиков, белых и опят, готовила наваристый грибной суп и жареху.

Однажды к ним примкнула мамина подруга тетя Марина. Шумная, активная женщина, работающая в гостинице. Всю дорогу взахлеб рассказывала, почему у стойки администратора постоянно присутствует табличка «Мест нет», как на этом заработать и на что способны девушки из ближайшего Дома моделей. Угощала невиданным «Птичьим молоком, снисходительно поглядывала на водителя «Пазика» и про себя посмеивалась над модным дизайном кабины с выцветшими фотографиями популярных актрис и болтающимися чертиками, сплетенными из больничных капельниц.

В тот день на выходе из леса, прямо у железнодорожного переезда начался оглушительный ливень. Небо будто треснуло пополам и полилась холодная тяжелая вода. Тетя Марина не растерялась и мигом разделась догола, решив таким образом спасти одежду. Джинсы, рубашку, нижнее белье ловко связала в узел, зажала между ног и замерла памятником чекистам. Вдруг из леса высыпали такие же горе-грибники, пытающиеся удрать от дождища, и опешили, завидев голую аппетитную тетечку. Некоторые не могли сдержаться и хохотали во все горло. Тетя Марина старалась ничем не выдать своего смущения и демонстративно смотрела в другую сторону, как бы говоря: «Я что? Я лесом любуюсь. Каракатицами елками. Пнями. Тропами».

Когда дождь финишировал, тетя Марина триумфальным взглядом окинула мокрых Галю с Иркой и развернула свой сверток. Выматерилась, выудив абсолютно мокрые шмотки, старательно выкрутила и обреченно натянула на себя. Всю дорогу причитала: «Ну зачем я это сделала? И одежду не сохранила, и столько народу увидели мою толстую жопу».

Дед стал сдавать, когда Ирка перешла во второй класс. Резко похудел и достал из тюков Петькин пиджак, в котором тот заканчивал десятый класс. Неделями хандрил. Бабушка утверждала, что его хворь – от ненависти к несостоявшемуся зятю Илье. Ирка понимала, что речь идет о ее отце, и с интересом прислушивалась. Дед не выбирал выражений, считая того виновником всех бед. А кого же еще? Ведь Галя, родив ребенка, поначалу остепенилась. Носилась, как кошка с котенком, выцеловывала, тетешкала, называла Морковкой. Но стоило «кавалеру» один раз появиться на горизонте – все пошло прахом. Сорвалась с катушек и в этот раз окончательно.

Однажды дед строго прикрикнул на Галю, увидев Ирку без колготок. Девочка шлепала посиневшими пятками по ледяному линолеуму, а тот сделал замечание: «Что ты себе позволяешь? Ты мать или мачеха? Или, может, у тебя десяток детей, и ты не в состоянии за всеми уследить?» Галя, с утра не похмелившаяся, была на взводе и искала козла отпущения, а тут отец со своими нравоучениями:

– Ничего страшного, пусть закаляется. Помнишь, баба Фима рассказывала о цыганке, ехавшей в кибитке с новорожденным младенцем в сорокаградусный мороз? Малец укакался, а она вытряхнула пеленку, похлопала по попке снегом и снова засунула за пазуху. И ничего. Вырос небось и счастлив. Ворует кошельки на рынке.

Дед стукнул кулаком по столу:

– Не путай грешное с праведным! Тогда была война. Голод, нищета. Тогда дети мерли как мухи.

– А ты мне не указ. Понял? Ты своих воспитал? Воспитал. А мою не тронь!

Подобные стычки происходили ежедневно. Галя продолжала пить, а дед не терял надежды ее образумить.

В один из дней Ирка с мамой хозяйничали на кухне, доваривая рыбный суп. Девочка стояла на табурете и играла с кружочками моркови. Складывала из них сперва тропинку, затем гусеницу и ожерелье. Мама, подпоясанная полотенцем, пробовала варево на соль, смешно вытягивая губы трубочкой, а потом с задумчивым выражением лица отмеряла на ладони «белое золото». Неожиданно раздался странный звонок, ворвавшийся в прихожую некой заморской трелью. Короткие звонки чередовались с длинными и складывались в популярную мелодию. Галя уронила ложку. Прилипла к зеркалу и прошлась расческой по волосам. Схватила с серванта парадные духи и оросила декольте. Рассмеялась чужим смехом и полетела открывать, поправляя пышную грудь в синтетическом бюстгальтере. На пороге стоял мужчина. Модно одетый, загорелый, очень красивый. Трехлетняя Ирка, все это время бегающая за мамой хвостом, уставилась на парня во все глаза и поинтересовалась:

– Папа?

Тот скривился, выставил вперед ладонь, что означало «поговори с рукой», и подмигнул Гале:

– Привет. Собирайся.

Мама, не задавая вопросов, стянула с талии фартук и бросила его на пол. Наспех вымыла руки, переоделась в самое лучшее платье и прицепила к своим и без того густым волосам шиньон. Ирка таскалась за ней по пятам и цеплялась за ноги. Обнимала со всей силы и приставала с вопросом:

– Мамочка, а куда мы сейчас пойдем?

Та сбрасывала ее, словно обнаглевшего кота. Шикала:

– Ты остаешься дома. Не маленькая. Скоро придут бабушка с дедушкой. Вот тебе ватман, открытки, ножницы, клей. Делай, что хочешь. Хоть картину, хоть панно».

Затем выпорхнула, оставив после себя вкусный запах духов.

Сперва девочка носилась по комнатам, надеясь отыскать хоть кого-то живого. Плакала, размазывая по лицу клей ПВА. Стерегла у входной двери. Засовывала нос в щель и выла: «Мама, мама… мамочка». В подъезде сновали люди. Никто из соседей не посчитал нужным перекинуться с ребенком парой слов. Все торопились в свои норы, разогревать рассольники, жарить карпов, выварить кухонные полотенца. Просиживать диваны. Смотреть фильм-концерт «Молдавские эскизы». Затем стемнело, и зашевелилась вешалка с длинным дедовым кашне. Шарф на глазах превратился в удава и подполз к ее ногам. Девочка из книг помнила, что удав может победить даже самого крупного тигра. За вешалкой ожили столы, табуреты, ковши. Заплясали безумный танец уличные тени. В дом проникли жигулевские клаксоны, вопли кошек с мусорной свалки и бас усатой дворничихи тети Зины. Ирку бил озноб, но кофту, как назло, надеть не удавалось. Рука промахивалась и попадала то в карман, то в капюшон.

Бабушка с дедом вернулись часа через три. Девочка за это время уписалась, ошпарила рот супом, наелась черствого хлеба, разложенного на батарее для котлет, и дважды упала со стола, набив приличную шишку. Все пыталась взобраться на подоконник, чтобы увидеть маму с тем чужим дядей. Помахать им рукой. Позвать обратно. Выбилась из сил, свернулась калачиком под обеденным столом и уснула. Дед, завидя жалкое зрелище, чертыхнулся, ударил себя по коленям, будто собирался танцевать гопак и полез в шкафчик за графином. Бабушка поставила на газовую конфорку кастрюлю, чтобы согреть воду. Ирка, услышав шум, едва не сошла с ума от счастья.

Галя заявилась утром: пьяная, развеселая, без одной туфли. Свалила в прихожей телефон, от его корпуса откололся кусок пластмассы. Затем рухнула на вешалку, и посыпались пальто, куртки, зонт с тяжелым набалдашником. Женщина глупо рассмеялась и завозилась

в образовавшейся куче. Сделала несколько тщетных попыток встать, а потом махнула рукой и разлеглась, словно на лучшем пляже. Ирка проснулась и с воплями «Мама!» соскочила с кровати. Запрыгнула на нее и стала осыпать поцелуями. Они выпадали, словно из дырявого решета, оставляя на носу, щеках и шее влажные следы. Дед в это время на кухне хлебал из щербатой пиалы чай и прицеливался к бутерброду. Молча отложил ломоть хлеба, встал, оттащил Ирку от пропахшей алкоголем матери, передал бабе Шуре и только потом съездил дочери в ухо. Та ощетинилась, вскочила на ноги, приняв боксерскую позу:

– Ты на кого руку поднял? На свою родную дочь?

У деда задрожал подбородок и обвисшие морщинистые щеки:

– Как ты могла оставить ребенка без присмотра?

Галя рассмеялась ему в лицо:

– Вы посмотрите кто объявился! Воспитатель сраный! А где ты раньше был, когда я в тебе нуждалась? Хлебал портвейнчик? Оправдывался Леночкой, которая тебя даже не узнавала? Не отличала твою морду от кадки с фикусом? Ты меня тогда видел? Слышал? Замечал? А теперь собираешься указывать, как воспитывать собственную дочь?

Дед замахнулся, словно для пощечины, но та его опередила, расцарапав висок. Он чертыхнулся, и они сцепились, словно дворовые псы. Завязали из собственных рук и ног несколько узлов и покатились по полу. Бабушка заголосила «Ой, людоньки!» и кинулась разнимать, но, получив удар в солнечное сплетение, захрипела и отползла на безопасное расстояние. Ирка визжала сиреной и пыталась поймать маму за подол. Уберечь от дедовых размашистых ударов. На ее вопли никто не обращал внимания. Ефим с Галей продолжали возиться в темной прихожей, периодически промазывая и оставляя вмятины в стене. Тогда девочка подтащила к форточке тяжелый табурет и закричала:

– Помогите! А-а-а-а! Маму убивают!

Через десять минут во двор влетел милицейский бобик и скорая помощь. Кто-то из милосердных соседей набрал «02» и «03». Жильцы с любопытством вывалили из подъезда, боясь пропустить «бесплатное кино». Некоторые в ночных рубашках, с полотенцами, поварешками, помазками и горячими щипцами для завивки волос.

Деда и маму арестовали на трое суток. Бабушку увезли в больницу с сердечным приступом, а Ирку забрали к себе «артисты». Соседка работала в кукольном театре и умела имитировать разные голоса. К примеру, попугая, кошку и девочку Женю из мультфильма «Цветик-семицветик». Иногда звала своих шалопаев голосом Фрекен Бок, и тогда сбегалась вся детвора и прыгала у них под окнами. Просили «на бис» старуху Шапокляк или Вовку из Тридевятого царства.

Ирка, переступив порог их дома, нервно икала, но с интересом оглядывалась. На всех полках – перчаточные куклы и коробочки с диафильмами, напоминающие баночки с гуашью. Мультяшное зверье. Две репки и три плюшевых колобка. Кокошники, царские короны, парики. Носы, усы, чьи-то рога. У стены – разномастные ширмы. Да и пахло чем-то вкусным. Не то лимоном, не то розовой водой.

Весь день ее развлекали, как могли. Мальчишки показали диафильм «Малахитовая шкатулка» и трижды сыграли в домино. Дали пострелять из рогатки и покрутить ручку старой мясорубки. Затем пили чай с рогаликами и ужинали кукурузной кашей и сосисками. По очереди купались. Смотрели «Спокойной ночи, малыши».

Ночью девочка ворочалась. Плакала сквозь сон, а потом вскакивала и бежала к входной двери – вдруг маму отпустили. Тетя-кукольница сперва ловила ее в коридоре, заново укладывала, гладила по голове. Ирка засыпая крепко прижимала ее руку к своей щеке. Под утро хозяйка уже из детской не уходила. Сидела и молилась, прося облагодетельствовать всех несчастных детей Святым Духом.

На следующий день ее взяли в театр, разрешили поприсутствовать на репетиции и поиграть с куклой Гердой. Накормили в буфете морковной котлетой и напоили ячменным «кофе». Ирка послушно ела все, что давали, внимательно осматривала вестибюль с гардеробной и молчала. За три дня девочка не проронила ни слова.

В четверг вернулись присмиревшая мама и бледный надломленный дед. Тот первым делом расцеловал внучку и стал собираться к Шуре в больницу. Складывал в сумку белье, халат, тапочки жены. Плакал. Галя на скорую руку готовила маме суп и запекала яблоки. Развлекала дочь небылицами. Ирка прыгала на одной ноге, напоминая мультяшную обезьяну. Радовалась, что семья почти что в сборе.

Во время вечернего купания Галя на минутку выскочила за полотенцем, а потом вместо нее явился дед. Молча достал внучку из ванны, обтер, натянул пижаму. Она на очень неудобной ноте завизжала, требуя маму, а он изо всех сил прижимал ребенка к груди и шептал:

– Не жди, Ирочка. Не жди ее сегодня. Опять к папке твоему побежала, зараза.

После того инцидента дед Ефим и стал худеть. Сперва отказался от котлет и отбивных, объясняя, что с возрастом изменились вкусы. Раньше выхлебывал по две тарелки супа, обгрызая первым делом куриную ляжку, а теперь брезгливо вылавливал кость и швырял на салфетку. Жаловался на усталость и боль в районе пупка. Бабушка заваривала чабрец, ромашку и семена льна, только ничего не помогало. У деда удлинились лицо и руки, исчез огромный живот, и он за считанные месяцы из медведя превратился в Кощея.

Для порядка и самоуспокоения Ефим сходил в больницу и вернулся сам не свой. С порога выбросил докторские бумажки в ведро, налил рюмочку и опрокинул со словами: «Вот мы и приехали». Переселился на балкон и стал сутками изучать небо и хилый дребезжащий козырек. Механически перетирал пластинки и сморкался в клетчатый платок. Переставлял пустые грибные бочки. Курил и давил о блюдце едва начатые сигареты. Охранял Иркины сокровища. В обувной коробке находились самодельная рогатка из толстой ветки орешника и натянутого серого аптечного жгута, брызгалка, сделанная из бутылки из-под «Белизны», и большая лупа. С ее помощью бесстрашная внучка разжигала костры. Когда совсем перестал есть, трижды в день принимал по столовой ложке водку, пытаясь шутить: «Куда ж нам с грыжей да на елку?» Баба Шура плакала. Он требовал не реветь:

– Ты чего разводишь сырость? Думаешь, этим кого-то спасешь? Мне за тебя и за себя не страшно. Мы уже такое, второй сорт. Покоптили небо и будет. У меня за Ирку сердце болит. Останется совсем одна. Единственная надежда на Петьку, хотя поди знай, может, даже лучше определить ее в детский дом, чем под одну крышу с этаким монстром.

После таких бесед бабушка закрывалась на кухне и капала в чашку что-то мятное. Ирка запрыгивала ей на колени и целовала в виски. Рисовала волшебных фей, способных спасти их семью. И только Галя ничего не замечала, находясь в своем мире, никак не соприкасающимся с миром общим. Но после семейной драки и отсидки в милиции всюду таскала Ирку с собой: на сомнительные квартиры, пикники, сборища, бесконечные застолья, вылазки, гулянки и кутежи.

В один из воскресных дней они огромной разномастной компанией выехали в лес на шашлыки. Поначалу все с удовольствием возились с малышкой, показывая ей дятлов и белок. Считая пни, трогая мох, собирая колокольчики и трехцветную фиалку. Девочка сидела у самых высоких на плечах, ее передавали из рук в руки, словно трофей, любуясь рыжими кудрями, пухлыми щечками, россыпью веснушек. Илья даже несколько раз позвал: «Иди к папке», и у Гали трепыхнулось в груди сердце. Потом достали ящик водки, и градус настроения резко взлетел вверх. Работа заспорилась, а о девочке забыли. Занялись разведением костра, шампурами, поиском чистой воды. Одни настраивали гитары, нарезали помидоры, жонглировали луковицами, хомячили хлеб. Другие дурачились, стреляли дротиками, играли в чехарду, пере-

прыгивая друг через друга. Вдруг Галя истошно закричала. Ирки нигде не было, и никто не мог вспомнить, когда видел девочку в последний раз. «Запорожец», в котором малышка играла с шишками, оказался пустым. На заднем сиденье валялась только новенькая вязанная кофта с матрешками, сменные трусы с колготками, аккуратно завернутые в газету «Труд», да горстка сосновой коры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.